

Всякая классовая борьба есть борьба политическая.

Карл Маркс.

С тех пор, как русское революционное движение окончательно выступило на путь открытой борьбы с абсолютизмом, вопрос о политических задачах социалистов сделался самым насущным, самым жгучим вопросом для нашей партии. Из-за него расходились люди, связанные многими годами совместной практической деятельности, из-за него распались целые кружки и организации. Можно даже сказать, что все русские социалисты временно разделились на два лагеря, державшиеся диаметрально-противоположных взглядов на «политику». Как и всегда бывает в подобных случаях, дело не обошлось без крайностей. Одни считали политическую борьбу чуть ли не изменой народному делу, проявлением в нашей революционной интеллигенции буржуазных инстинктов, осквернением чистоты социалистической программы. Другие не только признавали необходимость этой борьбы, но и готовы были, в ее мнимых интересах, идти на компромиссы с либерально-оппозиционными элементами нашего общества. Некоторые доходили даже до того, что считали вредным для настоящего времени всякое проявление классового антагонизма в России. Таких взглядов держался, напр., Желябов, которому «русская революция представлялась, по словам его биографа, не исключительно в виде освобождения крестьянского или даже (?) рабочего сословия, а в виде политического возрождения всего русского народа вообще». Другими словами, революционное движение против абсолютной монархии сливалось в его представлении с социально-революционным движением рабочего класса во имя своего экономического освобождения; частная, специально-русская задача настоящего времени заслоняла собою общую задачу рабочего класса всех цивилизованных стран. Далее этого разногласие идти не могло, и разрыв стал неизбежен.

Время сгладило, однако, крайности и разрешило значительную часть спорных вопросов в удовлетворительном для обеих сторон смысле. Мало-помалу все или почти все признали, что начатая политическая борьба должна продолжаться до тех пор, пока широкое освободительное движение в народе и обществе не разрушит здания абсолютизма, как землетрясение разрушает курятник, если можно употребить энергическое выражение Маркса.

Но очень многим из наших социалистов борьба эта до сих пор представляется каким-то вынужденным компромиссом, временным торжеством «практики» над «теорией», насмешкой жизни над бессилием мысли. Сами «политики», оправдываясь от сыпавшихся на них упреков, избегали всякой апелляции к основным положениям социализма, а ссылались опять на неотразимые требования действительности. В глубине души они и сами, по-видимому, верили, что им не совсем к лицу политические тенденции, но утешали себя тем соображением, что только в свободном государстве они могут предоставить мертвым хоронить своих мертвецов и, покончивши всякие счета с политикой, всецело посвятить себя делу социализма. Это смутное убеждение приводило иногда к не лишним курьезам недоразумениям.

Разбирая речь «русского гостя» на Хурском Конгрессе и пытаясь оправдаться от мнимого упрека в политиканстве, «Народная Воля» заметила, между прочим, что ее сторонники не социалисты и не политические радикалы, а просто «народовольцы». Орган террористов полагал, что на «Западе» внимание радикалов исключительно поглощено политическими вопросами, а социалисты, наоборот, знать не хотят «политики». Всякий, знакомый с программами западноевропейских социалистов, понимает, конечно, насколько ошибочно такое представление по отношению к огромному их большинству.

Известно, что социальная демократия Европы и Америки никогда не придерживалась принципа политического «воздержания». Ее сторонники не игнорируют «политики». Они только не представляют себе задач социалистической революции в виде «возрождения всего народа вообще». Они стараются организовать рабочих в особую партию, чтобы отделить таким образом эксплуатируемых от эксплуататоров и дать политическое выражение экономическому антагонизму. Откуда же взялась у нас уверенность в том, что социализм обуславливает собою политический индифферентизм, — уверенность, стоящая в полном противоречии с действительностью? У Шиллера Валленштейн говорит Максу Пикколомини, что человеческий ум широк, между тем как мир узок, и что поэтому мысли легко уживаются в первом, между тем как вещи резко сталкиваются между собою во втором. Должны ли мы сказать про себя, что в нашем мозгу, наоборот, не могут ужиться рядом понятия о таких вещах, которые не только прекрасно уживаются на практике, но и вообще немислимы вне взаимной связи? Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно, прежде всего, привести в ясность те представления о социализме, которые существовали у наших революционеров в эпоху возникновения в их среде политических тенденций. Убедившись в том, что эти представления были ошибочными или отсталыми, мы посмотрим, какое место отводит политической борьбе то учение, которому даже буржуазные его противники не отказывают в названии научного социализма. После этого нам останется только сделать в наших общих выводах поправки, неизбежные ввиду тех или других особенностей современного положения дел в России — и наша тема будет исчерпана; политическая борьба рабочего класса с врагами, принадлежащими к той или иной исторической формации, окончательно обнаружит перед нами свою связь с общими задачами социализма.

Социалистическая пропаганда оказала огромное влияние на весь ход умственного развития в цивилизованных странах. Нет почти ни одной отрасли общественной науки, на которую эта пропаганда не повлияла бы в том или ином смысле. Она частью разрушила старые, научные предрассудки, частью превратила их из наивного заблуждения в софизм. Понятно, что еще сильнее должно было отозваться влияние социалистической пропаганды на самих сторонниках нового учения. Все традиции прежних «политических» революционеров подверглись беспощадной критике, все приемы общественной деятельности были анализированы с точки зрения «нового Евангелия». Но так как дело научного обоснования социализма было закончено лишь с появлением «Капитала», то понятно, что результаты этой критики далеко не всегда были удовлетворительны. А так как, с другой стороны, в утопическом социализме существовало несколько школ, почти равносильных по своему влиянию, то мало-помалу выработался род какого-то среднего социализма, которого и придерживались люди, не претендовавшие на основание новой школы и не принадлежавшие к числу особенно рьяных сторонников школ, прежде существовавших. «Этот эклектический социализм представляет собою, — как говорит Фр. Энгельс, — различных оттенков смесь из наиболее общепризнанных и наименее глубоких критических замечаний, экономических положений и общественных идеалов различных основателей сект, смесь тем легче получаемую, чем скорее составные части ее утрачивают в потоке дебатов — как камни в ручье — свои острые углы и грани» *. «Этот средний социализм, — замечает тот же автор, — господствует до сих пор в головах большинства рабочих в Англии и Франции» **. Мы, русские могли бы прибавить, что такая же точно смесь господствовала в половине семидесятых годов в умах наших социалистов и представляла тот общий фон, на котором выделялись два крайние направления так называемых «передовцев» и «бакунистов». Первые склонялись к немецкой социал-демократии, вторые представляли собою русское издание анархической фракции Интернационала. Расходясь между собою в очень многом, почти во всем, оба направления сходились — как это ни странно сказать — в отрицательном отношении к «политике». И нужно сознаться, что анархисты были в этом отношении последовательнее русских социал-демократов того времени.

* См . «Entwicklung des Sozialismus», S. 18.

** Прим. ко 2-му изданию. Теперь во Франции окончательно восторжествовал марксизм, основные положения которого признаются, в более или менее искаженном виде, даже «оппортунистами» из лагеря Жореса.

С анархической точки зрения политический вопрос является пробным камнем всякой рабочей программы. Анархисты не только отрицают всякие сделки с современным государством, но исключают из своих представлений о «будущем обществе» все, что напоминает так или иначе государственную идею. «Автономная личность в автономной общине» — таков был и есть девиз всех последовательных сторонников этого направления. Известно, что родоначальник его, Прудон, поставил себе, в своем органе «La voix du peuple», не совсем скромную задачу «сделать по отношению к идее правительства (которую он смешивал с государственной идеей) то же, что сделал Кант по отношению к идее религиозной»*, и дошел в своем государственном рвении до того, что объявил самого Аристотеля «скептиком в вопросе о государстве» **.

* См . «Confession d'un revolutionnaire», Preface, p. 4.

** До какой степени Аристотель был «скептиком» в вопросе о государстве, видно из первой главы первой книги его «Политики», где он говорит, что «государство есть самая законченная форма общественности»; что цель его есть «высшее благо», и что, поэтому, оно оказывается явлением «естественным в самом высоком смысле этого слова, а человек есть животное, самой природой предназначенное к государственной форме общественности» (В. I, С. I, §§—XI немецкого издания Зюсемиля 1879 года). Автор «Политики» так же «скептически» относится к государству, как Прудон к товарному производству: первый не мог представить себе иной, высшей формы общественности, второй не подозревал, что продукты могут распределяться между членами общества, не являясь в виде товаров.

Решение поставленной им себе задачи было очень просто и вытекало, если угодно, совершенно логично из экономических учений французского Канта. Прудон никогда не мог представить себе экономического строя будущего иначе, как в форме товарного производства, исправленного и дополненного новой, «справедливой» формой обмена на началах «конституированной стоимости». При всей «справедливости» этой новой формы обмена, она не исключает, разумеется, ни купли, ни продажи, ни долговых обязательств, сопровождающих товарное производство и обращение. Все эти сделки предполагают, конечно, различные договоры, которыми и определяются взаимные отношения обменивающихся сторон. Но в современном обществе «договоры» основываются на общих правовых нормах, обязательных для всех граждан и охраняемых государством. В «будущем обществе» дело должно будет происходить несколько иначе. Революция должна была, по мнению Прудона, уничтожить «законы», оставляя одни «договоры». «Не нужно законов, вотируемых большинством или единогласно, — говорит он в своей «Idee generale de la Revolution au XIX siecle», — каждый гражданин, каждая коммуна и корпорация устанавливают свои особые законы» (р. 259). При таком взгляде на дело, политическая программа пролетариата упрощалась до последней возможности. Государство, признающее лишь общие и обязательные для всех граждан законы, не могло служить даже средством для достижения социалистических идеалов. Пользуясь им для своих целей, социалисты лишь укрепляют то зло, с искоренением которого должна начаться «социальная ликвидация». Государство должно «разложиться», открывая таким образом «каждому гражданину, каждой коммуне и корпорации» полную свободу издавать «свои собственные законы» и заключать необходимые для них «договоры». Если же анархисты не будут терять времени в период «ликвидации», то «договоры» эти будут заключены в духе «Системы экономических противоречий», и торжество «Революции» будет обеспечено.

Задача русских анархистов упрощалась еще более. «Разрушение государства» (заявившее мало-помалу в анархической программе место рекомендованного Прудонем его «разложения») должно было расчистить путь для развития «идеалов» русского народа. А так как в этих «идеалах» общинное землевладение и артельная организация промыслов занимают очень видное место, то предполагалось, что «автономные» россияне демократического происхождения будут заключать свои «договоры» уже не в духе прудоновской взаимности, а скорее в духе аграрного коммунизма.

Как «прирожденный социалист», русский народ не замедлит понять, что одно общинное владение землей и орудиями производства не гарантирует еще желанного «равенства», и вынужден будет взяться за организацию «автономных общин» на совершенно коммунистических основаниях.

Впрочем русские анархисты — по крайней мере, анархисты так называемого «бунтарского» оттенка — мало задумывались об экономических последствиях проповедуемой народной революции. Они считали своею обязанностью устранить те общественные условия, которые мешали, по их мнению, нормальному развитию народной жизни; но они не спрашивали себя о том, по какому пути пойдет это развитие, освободившись от внешних препятствий. Что эта своеобразная переделка на революционный фасон знаменитого девиза манчестерской школы: *laissez faire, laissez passer*, исключала всякую возможность серьезной оценки современного состояния нашей общественно-экономической жизни и уничтожала всякий критерий для определения самого понятия о «нормальном» ходе ее развития — этого также не подозревали ни «бунтари», ни появившиеся впоследствии «народники». Притом же подобная оценка была бы совершенно безнадежной попыткой до тех пор, пока исходной точкой рассуждений наших революционеров оставались учения Прудона. Слабейшею частью этих учений, пунктом их логического грехопадения, является понятие о товаре и меновой стоимости, т. е. именно те посылки, на основании которых только и можно сделать правильное заключение о взаимных отношениях производителей в экономической организации будущего. С точки зрения прудоновских теорий не имеет никакой особенной важности то обстоятельство, что современное русское общинное землевладение отнюдь не исключает товарного производства. Прудонист понятия не имеет о «внутренней, неизбежной диалектике», превращающей товарное производство на известной стадии его развития, в — капиталистическое *.

* См. «Das Kapital», 2 Auflage, S.S. 607—608.

Его русскому кузену и в голову не приходило, поэтому, спросить себя, достаточно ли разъединенных усилий «автономных» лиц, коммун и корпораций для борьбы с этой тенденцией товарного производства, грозящей снабдить в один прекрасный день некоторую часть «прирожденных» коммунистов «благоприобретенными» капиталами и превратить их в эксплуататоров остальной массы населения. Анархист отрицает созидательную роль государства в социалистической революции именно потому, что не понимает задач и условий этой революции.

Мы не можем вступать здесь в подробный разбор ни анархизма вообще, ни «бакунизма» в частности *.

* Напомним только читателю возражение, сделанное Прудону Риттинггаузенем. «Власть, правительство со всеми его формами, — говорил неутомимый пропагандист теории прямого народного законодательства, — представляют собою лишь виды того рода, который называется: Вмешательство общества в отношения людей к вещам, а через посредство вещей — и друг к другу. Я вызываю г. Прудона бросить мне в лицо, как результат его умственной работы, следующее заключение: «Нет, не нужно такого вмешательства общества в отношения людей к вещам и друг к другу!». См. «Legislation directe par le peuple et ses adversaires», p. 194-195. Риттинггаузен думал, что «поставить вопрос таким образом — значит решить его», так как «г. Прудон сам признает необходимость такого вмешательства». Но он не предвидел, что ученики пойдут дальше учителя, и что теория анархии вырождается, наконец, в теорию «социального аморфизма». Современные анархисты не признают никакого вмешательства общества в отношения индивидуумов, как они неоднократно заявляли это на страницах некоторых своих органов.

Мы хотим лишь обратить внимание наших читателей на то обстоятельство, что как Прудон, так и русские анархисты были, с своей точки зрения, вполне правы, возводя «политическое невмешательство» в основной догмат своей практической программы. Социально-политический склад русской жизни, казалось, в особенности оправдывал обязательное для всех анархистов отрицание «политики». Прежде чем выступить на поприще политической агитации, русский «обыватель должен превратиться в гражданина, т. е. завоевать себе хоть какие-нибудь политические права, а прежде всего, разумеется, право думать, что хочет, и говорить, что думает. Такая задача сводится на практике к «политической революции», а опыт западной Европы ясно «показал» всем анархистам, что такие революции никакой пользы народу не принесли, не принесут и принести не могут. Соображение же о необходимости политического воспитания народа путем участия его в общественной жизни своей страны не могло иметь места уже потому, что анархисты считают, как мы видели, такое участие не, воспитанием, а развращением народных масс: оно развивает в них «веру в государство», а следовательно, и тенденцию к государственности или, как сказал бы покойный М. А. Бакунин, заражает его официально-общественным ядом, и, во всяком случае, отвлекает его хоть на малое время от единственно ныне полезного и спасительного дела — от бунта *. Притом же по философии истории наших «бунтарей» выходило, что русский народ целым рядом крупных и мелких движений доказал свои антигосударственные наклонности, а потому и может считаться достаточно зрелым в политическом отношении. Поэтому прочь всякое «политиканство»!

* См. весьма интересную и характерную брошюру М. А. Бакунина «Наука и насущное революционное дело».

Поможем народу в его антигосударственной борьбе, сольем в один революционный поток его разрозненные усилия — и тогда неуклюжее здание государства разлетится в прах, открывая своим падением новую эру социальной свободы и экономического равенства! В этих немногих словах выразилась вся программа нашего «бунтарства».

В этом беглом обзоре программ различных фракций русских революционеров мы не должны упускать из вида, что взгляды, с точки зрения которых «всякие конституции» являлись, по выражению старого Ф. Г. Якоби, лишь более или менее невыгодной сделкой с чертом — такие взгляды, говорим мы, были свойственны не одним народникам и анархистам. Если читателю известна полемика Фр. Энгельса с П. Ткачевым *, то он, вероятно, помнит, что редактор «Набата», расходясь с бакунистами по вопросу о практической борьбе, совершенно сходил с ними в основных взглядах на социально-политическое положение нашего отечества. Он рассматривал его через ту же призму русской самобытности и «прирожденных коммунистических наклонностей русского народа»**.

* См . Offener Brief an Herrn F. Engels».

** Чтобы убедиться в этом, стоит лишь сравнить названное «Письмо к Фр. Энгельсу» о цитированной выше брошюрой М. А. Бакунина.

Как истинный бланкист, он не отрицал, разумеется, «политики», но понимал ее исключительно в форме заговора с целью захвата государственной власти. Эта цель занимала, по-видимому, все поле зрения наших тогдашних бланкистов и приводила их ко многим противоречиям. Оставаясь последовательными, они должны были признать, что деятельность их может быть полезна делу прогресса лишь в том исключительном случае, когда направляемый ими удар ни на волос не минует своей цели. Если задуманный захват власти не удастся, если заговор будет открыт или революционное правительство будет низвергнуто либеральной партией, то русский народ не только ничего не выиграет, но, напротив, рискует очень много потерять. В особенности, гибелен последний из предположенных случаев. Либералы создадут сильное правительство, борьба с которым будет гораздо труднее, чем борьба против современной «абсолютно нелепой» и «нелепо абсолютной» монархии; а «огонь экономического прогресса» разрушит коренные основы народной жизни. Под его влиянием разовьется обмен, упрочится капитализм, уничтожится самый принцип общины, словом, река времен унесет тот камень, с которого рукой подать до коммунистического неба. В случае неудачи, русские бланкисты должны были нанести страшный вред делу народного освобождения и попадали, таким образом, в трагическое положение Вильгельма Телля, рискующего жизнью собственного сына. Но так как они едва ли отличались ловкостью мифического швейцарского «крамольника», то русский народ не крикнул бы им:

Стреляй! я не боюсь!

если бы усвоил их взгляд на «коренные основы» своей жизни и был приглашен высказать свое мнение об их программе.

Такая узкая и безнадежная философия русской истории должна была логически вести к тому поразительному выводу, что экономическая отсталость России является надежнейшим союзником революции, а застой должен красоваться в качестве первого и единственного параграфа нашей «программы-минимум». «Каждый день приносит нам новых врагов, создает новые враждебные нам общественные факторы, — читаем мы в первом ноябрьском номере «Набата» за 1875 год. — Огонь подбирается и к нашим государственным формам. Теперь они мертвы, безжизненны. Экономический прогресс пробудит в них жизнь, вдохнет в них новый дух, даст им силу и крепость, которых пока еще в них нет» и т. д. Но если Иисусу Навину удалось, по библейскому рассказу, остановить солнце «на десять степеней», то время чудес прошло, и нет ни одной партии, которая могла бы крикнуть: «стойте, производительные силы, не шевелись, капитализм!». История так же мало обращает внимания на опасения революционеров, как и на реакционные иеремиады. «Экономический прогресс» делает свое дело, не дожидаясь того времени, когда анархисты или бланкисты осуществят свои намерения. Каждая фабрика, основанная в Петербурге, каждый лишний «работничек», принятый ярославским кустарем, усиливает роковое будто бы для революции «пламя прогресса», а следовательно, и уменьшает вероятность народного торжества. Можно ли назвать революционным такой взгляд на взаимное отношение различных общественных сил в России? Мы думаем, что нет. Чтобы сделаться революционерами по существу, а не по названию, русские анархисты, народники и бланкисты должны были прежде всего революционизировать свои собственные головы, а для этого им нужно было научиться понимать ход исторического развития и стать во главе его, а не упрасивать старуху-историю потоптаться на одном месте, пока они проложат для нее новые, более прямые и торные пути.

Кружок «впередовцев» понимал незрелость и ошибочность вышеизложенных воззрений, и было время, когда он мог получить преобладающее умственное влияние в нашей революционной среде. Это было именно то время, когда практический опыт порядком-таки поистрепал основы старого, анархического народничества, и все его сторонники чувствовали, что их программа нуждается в тщательном пересмотре. Тогда последовательная критика всех ее теоретических и практических положений могла сделать приближающийся перелом в движении еще более решительным и бесповоротным. За такую критику удобнее всего было взяться именно «впередовцам», которые, стоя почти целиком на точке зрения социал-демократии, были совершенно свободны от всех народнических традиций. Но, чтобы иметь успех, критика их должна была не осуждать, а выяснять и обобщать те насущные потребности русской жизни, которые все более и более толкали наших революционеров на путь политической борьбы.

Между тем «впередовцы» отрицали «политику» так же решительно, как и анархисты. Они не думали, правда, что социализм несовместим с вмешательством в политическую жизнь буржуазного государства, и вполне оправдывали программу западноевропейской социал-демократии. Но они полагали, что возможность открытой организации рабочего класса в особую политическую партию куплена в современном «правовом» государстве слишком дорогой ценой: окончательным торжеством буржуазии и соответствующим эпохе капитализма ухудшением положения рабочих.

Они забывали, что при оценке этого положения нужно принимать во внимание не только распределение национального дохода, но и всю организацию производства и обмена, не только среднее количество потребляемых рабочими продуктов, но и самый вид, который принимают эти продукты *, не только степень эксплуатации, но и — в особенности — ее форму, не только факт порабощения рабочих масс, но также и те идеи и понятия, которые зарождаются и могут зародиться в голове рабочего под влиянием этого факта **.

* Т. е. являются ли они в виде товаров или непосредственно потребляются семьей производителя, его господином или, наконец, государством, не являясь вовсе на рынке.

** Просим иметь в виду, что мы говорим не о редакции журнала «Вперед», а о действовавших в России сторонниках этого органа.

Они едва ли согласились бы с тем, что фабричный рабочий должен оказаться восприимчивее к социализму, чем временно-обязанный крестьянин; тем менее признали бы они, что переход, напр., от натурального хозяйства к денежному увеличивает возможность сознательного движения рабочих масс во имя своего экономического освобождения. Философско-историческая часть учения Маркса осталась для них непрочитанною главою любимой книги; они слишком верили во всемогущее влияние своей пропаганды, чтобы искать для нее опоры в объективных условиях общественной жизни. И, подобно социалистам утопического периода, они сводили к этой пропаганде всю дальнейшую историю своей страны вплоть до социального переворота.

При такой постановке вопроса они могли, вместе с анархистами, сказать, пародируя известную фразу Прудона — *la revolution est au dessus de la politique*. Но именно потому они и не могли вывести наше движение из той мертвой точки, в которую оно попало в конце семидесятых годов, благодаря отрицанию всякой политической борьбы, с одной стороны, и невозможности создать, при современных политических условиях, сколько-нибудь сильную рабочую партию — с другой.

Честь сообщения нового размаха нашему движению бесспорно принадлежит «Народной Воле». У всех еще на памяти те нападения, которые вызвали против себя тенденции народолюбцев. Пишущий эти строки сам принадлежал к числу решительных противников этого направления, и хотя совершенно признает теперь, что борьба за политическую свободу стала злобою дня современной России, но до сих пор разделяет далеко не все взгляды, высказывавшиеся в «народовольческих» изданиях. Это не мешает ему, однако, признать, что в спорах, происходивших в организации «Земли и Воли» около времени ее распада, народолюбцы были совершенно правы, пока они оставались на почве нашего практического опыта. Этот опыт и тогда уже приводил к поразительным и совершенно неожиданным выводам, хотя мы и не умели сделать их именно вследствие их неожиданности.

Попытки практической борьбы «против государства» в сущности и тогда уже должны были навести на ту мысль, что русский «бунтарь» непреодолимою силою обстоятельств вынужден направлять свою агитацию не против государства вообще, а только против абсолютного государства, воевать не с государственной, а с бюрократической идеей, не во имя полного экономического освобождения народа, а во имя устранения тех тягостей, которыми обременяет народ самодержавное императорство.

Конечно, аграрный вопрос лежал в основании всех или почти всех проявлений народного недовольства. Иначе и быть не могло в среде земледельческого населения, где «власть земли» сказывается решительно во всем складе и нуждах частной и общественной жизни. Этот аграрный вопрос настойчиво требовал своего разрешения, но он не вызывал политического недовольства. Крестьяне с спокойною уверенностью ожидали решения этого вопроса сверху: они «бунтовались» не во имя земельного передела, а против притеснения администрации, против непомерных тягостей податной системы, против азиатского способа взыскания недоимок и т. д., и т. д. Формулой, обобщавшей большую часть случаев активного протеста, являлось «правовое государство», а не «Земля и Воля», как нам всем казалось в то время.

Но если это было так, и если революционеры считали своею обязанностью принимать участие в разрозненной и неосмысленной борьбе отдельных общин против абсолютной монархии, то не пора ли было им понять смысл своих собственных усилий и направить их с большею целесообразностью? Не пора ли им было призвать к этой борьбе все прогрессивные живые силы России и, найдя для нее наиболее общее выражение, атаковать абсолютизм в самом центре его организации? Отвечая утвердительно на эти вопросы, «народолюбцы» только подводили итог революционному опыту предшествующих лет; поднимая знамя политической борьбы, они только не пугались этих итогов и сознательно продолжали идти по дороге, на которую мы выступили, имея ошибочное понятие об ее направлении. «Терроризм» совершенно логически вырос из нашего «бунтарства».

Но с появлением «Нар. Воли» логическое развитие нашего революционного движения переходило уже в тот фазис, в котором оно не могло более удовлетворяться народническими теориями доброго старого, — т. е. чуждого политических интересов, — времени. Примеры перерастания теории практикой очень нередки в истории человеческой мысли вообще и революционной мысли в частности.

Внося то или другое изменение в свою тактику, подвергая тем или другим переделкам свою программу, революционеры часто и не подозревают, какому серьезному испытанию подвергают они общепризнанные в их среде учения. Многие из них так и умирают в тюрьмах или на виселицах, вполне уверенные в том, что они действовали в духе именно тех учений, между тем как в сущности они были представителями новых тенденций, возникших на почве старых теорий, но уже переросших их и готовых найти новое теоретическое выражение. Так было и у нас с тех пор, как окрепло «народовольческое» направление. С точки зрения старых народнических теорий, направление это не выдерживало критики.

Народничество стояло в резком отрицательном отношении ко всякой государственной идее; народовольцы рассчитывали осуществить свои социально-реформаторские планы с помощью государственной машины. Народничество откращивалось от всякой «политики»; народовольцы видели в «демократическом политическом перевороте» самое надежное «средство социальной реформы». Народничество основывало свою программу на так называемых «идеалах» и требованиях крестьянского населения, народовольцы должны обращаться, главным образом, к городскому и промышленному населению, а следовательно, и отвести интересам этого населения несравненно более широкое место в своей программе. Словом, в действительности, «народовольство» было новым и всесторонним отрицанием народничества, и пока спорящие стороны апеллировали к основным положениям последнего, «новаторы» были совершенно неправы: их практическая деятельность стояла в непримиримом противоречии с их теоретическими взглядами. Нужен был полный пересмотр этих взглядов, чтобы придать программе «Народной Воли» характер цельности и последовательности; практическая революционная деятельность ее сторонников должна была, по крайней мере, сопровождаться теоретической революцией в умах наших социалистов; взрывая Зимний дворец, нужно было, вместе с тем, взорвать и наши старые анархические и народнические традиции. Но «ход идей» и здесь отстал от «хода вещей», и пока еще трудно предвидеть, когда он, наконец, его нагонит. Не решаясь разорвать с народничеством, новая фракция необходимо должна была прибегать к фикциям, приносящим с собою хоть кажущееся разрешение присущих ее программе противоречий. Идея русской самобытности получила новую переработку, и если прежде она вела к полному отрицанию политики, то теперь оказывалось, что самобытность русского общественного развития именно в том и заключается, что экономические вопросы решались и должны решаться у нас путем государственного вмешательства.

Весьма распространенное у нас в России незнание с экономической историей Запада способствовало тому, что подобного рода «теории» никого не приводили в изумление. Период капиталистического накопления в России противопоставлялся периоду капиталистического производства на Западе, и неизбежное несходство этих двух фазисов развития экономической жизни приводилось, как убедительнейшее доказательство, во-первых, нашей самобытности, а во-вторых, обусловленной этой самобытностью целесообразности «народовольческой программы».

Нужно ли прибавлять, что наши революционные писатели, как и большинство русских писателей вообще, смотрели на «Запад» с точки зрения еврейского мальчика в известном рассказе Вейнберга? Бедному школьнику весь свет казался подразделенным на две равные части: «Россию и за границу», при чем достойные внимания черты различия существовали для него лишь между этими «половинами» земного шара, — «за граница» же представлялась ему совершенно однообразным целым. Русские «самобытные» писатели сделали в этой остроумной географической классификации лишь одно нововведение: они подразделили «за границу» на Восток и Запад и, не долго думая, принялись сравнивать этот последний с нашей «громкой державой», игравшей при этом роль какой-то «Срединной Империи». Историческое развитие Италии отождествлялось, таким образом, с историческим развитием Франции, в экономической политике Англии не усматривалось никакой разницы с экономической политикой Пруссии, деятельность Кольбера валилась в одну кучу с деятельностью Ричарда Кобдена, своеобразно «патриотическая» физиономия Фридриха Листа терялась в толпе «западноевропейских» политико-экономиков, старавшихся, по совету Тюрго, «забыть, что существуют на свете государства, разделенные границами и различно организованные».

Как все кошки в темноте кажутся серыми и совершенно походят друг на друга, так и общественные отношения различных государств «Запада» утрачивали всякие несходства при отраженном свете нашей самобытности. Очевидно было одно: «Франки» давно уже «обуржуазились», между тем как «храбрые Россы» сохранили невинность «первых челоуеков» и, в качестве избранного народа, идут самобытным путем к своему спасению. Чтобы достигнуть обетованной земли, им нужно лишь неуклонно держаться этой стези самобытности и не удивляться тому, что программы русских социалистов стоят в противоречии с научными положениями западноевропейского социализма, а иногда и со своими собственными посылками!

Типическим образчиком фикций, наскоро придуманных для соглашения практической программы «Народной Воли» с народническими теориями, было известное пророчество о том, что в будущем русском Учредительном Собрании 90% депутатов явятся сторонниками социальной революции, если только мы добьемся всеобщего избирательного права. Здесь теория нашей самобытности дошла уже до Геркулесовых столбов, за которыми ей грозила гибель со стороны самого простого здравого смысла.

Народники «старой веры», твердо держась догмата «самобытности», допускали все-таки, что эта самобытность нуждается еще в некоторой окончательной отделке. Одни находили, что у русского народа находится еще в слишком зачаточном состоянии бугор... виноваты! — чувство храбрости и независимости, другие стремились к тому, чтобы реализовать самобытное настроение русского народа в виде не менее самобытной революционной организации. Но все одинаково признавали необходимость предварительной работы в народе.

Народовольцы пошли далее. В передовых статьях первых же №№ своего журнала они стали развивать ту мысль, что такая работа, во-первых, бесплодна («биться в народе, как рыба об лед»), а во-вторых, и излишня, потому что 90% депутатов, сочувствующих социальной революции, более чем достаточно для осуществления стремлений русских народников.

Программа «Народной Воли» не могла придать себе народнического характера иначе, как доводя до абсурда все характеристические особенности народнического мирозерцания.

В этом заключается отрицательная заслуга народовольческих фикций. Они будили критическую мысль русских революционеров, представляя им в утрированном виде «самобытные» черты их народнической программы. Но едва ли можно даже заводить речь о положительной заслуге этих фикций. Они укрепляли временно энергию бойцов, нуждавшихся в теоретическом обосновании своей практической деятельности, но, шитые на живую нитку, они не выдерживали ни малейшего прикосновения серьезной критики и своим падением компрометировали дело борьбы, которая велась под их знаменем. Нанеся своею практическою деятельностью смертельный удар всем традициям правоверного народничества и сделавши так много для развития революционного движения в России, «Народная Воля» не может найти себе оправдания, да и не должна искать его, помимо современного научного социализма. Но, чтобы стать на эту новую точку зрения, она должна подвергнуть очень серьезному пересмотру свою программу, так как теоретические промахи и пробелы этой программы не могли не придать ей известной практической односторонности.

Прежде чем говорить, в каком смысле должен быть предпринят этот пересмотр, постараемся, — согласно нашему плану, — выяснить отношение научного социализма к политическим движениям рабочего класса.

II.

Но что такое научный социализм? Под этим именем мы разумеем то коммунистическое учение, которое начало выработываться в начале сороковых годов из утопического социализма под сильным влиянием гегелевской философии, с одной стороны, и классической экономии — с другой; то учение, которое впервые дало реальное объяснение всему ходу развития человеческой культуры, безжалостно разрушило софизмы теоретиков буржуазии и «во всеоружии знания своего века» выступило на защиту пролетариата. Это учение не только с полной ясностью показало всю научную несостоятельность противников социализма, но, указывая ошибки, оно в то же время давало им историческое объяснение и, таким образом, как сказал некогда Гайм о философии Гегеля, «привязывало к своей триумфальной колеснице каждое побежденное им мнение». Как Дарвин обогатил биологию поразительно простой и вместе с тем строго научной теорией происхождения видов, так и основатели научного социализма показали нам в развитии производительных сил и в борьбе этих сил против отсталых «общественных условий производства» великий принцип изменения видов общественной организации.

Едва ли нужно говорить, кого считаем мы основателями этого социализма. Заслуга эта бесспорно принадлежит Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу, учение которых именно так относится к современному революционному движению в цивилизованном человечестве, как относилась когда-то, по словам одного из них, передовая немецкая философия к освободительному движению в Германии: оно составляет его голову, между тем как пролетариат составляет его сердце.

Но само собою разумеется, что развитие научного социализма еще не закончено и так же мало может остановиться на трудах Энгельса и Маркса, как теория происхождения видов могла считаться окончательно выработанной с выходом в свет главных сочинений английского биолога. За установлением основных положений нового учения должна последовать детальная разработка относящихся к нему вопросов, разработка, дополняющая и завершающая переворот, совершенный в науке авторами «Коммунистического Манифеста» *. Нет ни одной отрасли социологии, которая не приобретала бы нового и чрезвычайно обширного поля зрения, усваивая их философско-исторические взгляды.

* Прим. ко 2-му изд. Впоследствии гг. «критики Маркса» упрекали нас, «ортодоксов», в том, что мы восставали против всякой попытки дальнейшего развития взглядов Маркса. Читатель видит, что я не обнаруживал склонности к подобному восстанию. Но само собою разумеется, что в качестве ученика Маркса, понимавшего великое значение его теории, я должен был восстать против всякой попытки заменить некоторые положения марксизма старыми, давно отжившими буржуазными «догмами». И эту свою обязанность я исполнил, как мог.

Благотворное влияние этих взглядов и теперь уже начинает сказываться в области истории права и так называемой первобытной культуры. Но эта философско-историческая сторона современного социализма слишком еще мало известна у нас в России, и потому мы считаем не лишним сделать здесь несколько выписок, знакомящих с нею читателя словами самого Маркса.

Ведя свою родословную, между прочим, «от Канта и Гегеля», научный социализм является тем не менее самым смертельным и решительным противником идеализма. Он изгоняет его из его последнего убежища — социологии, в которой его принимали с таким радушием позитивисты.

Научный социализм предполагает «материалистическое понимание истории», т. е. он объясняет духовную историю человечества развитием его общественных отношений (между прочим, под влиянием окружающей природы). С этой точки зрения, как и с точки зрения Вико, «ход идей соответствует ходу вещей», а не наоборот. Главной же причиной того или иного направления их развития является состояние производительных сил и соответствующая им экономическая структура общества. «В своей общественной жизни люди наталкиваются, говорит Маркс *, на известные, необходимые, независящие

от их воли отношения, именно на отношения производства, соответствующие той или другой степени развития производительных сил.

* См. «Zur Kritik der Politischen Okon.», Vorwort, S.S. IV—VI.

Вся совокупность этих отношений производства составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка, и которому соответствуют известные формы общественного сознания. Соответствующий материальной жизни способ производства обуславливает собою процессы социальной, политической и духовной жизни вообще. Не понятия определяют общественную жизнь людей, но, наоборот, их общественная жизнь обуславливает собою их понятия... Правовые отношения, равно как и формы государственной жизни, не могут быть объяснены ни сами собою, ни так называемым общим развитием человеческого духа, но коренятся в материальных условиях жизни, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII столетия, обозначил именем гражданского общества; анатомию же гражданского общества нужно искать в его экономике.

На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в столкновение с существующими отношениями производства, или — говоря юридическим языком — с имущественными отношениями, внутри которых они до тех пор вращались. Из форм, способствующих развитию производительных сил, эти имущественные отношения делают его тормозами. Тогда наступает эпоха социальной революции.

С изменением экономического основания изменяется более или менее быстро вся возвышающаяся на нем огромная надстройка. Ни одна общественная формация не исчезает раньше, чем разовьются все производительные силы, которым она предоставляет достаточно простора; и новые высшие отношения производства никогда не занимают места старых раньше, чем выработаются в недрах старого общества материальные условия их существования. Поэтому можно сказать, что человечество всегда ставит себе лишь исполнимые задачи, ибо, при внимательном рассмотрении, всегда оказывается, что самая задача является лишь там, где материальные условия ее решения уже существуют или находятся в процессе своего возникновения».

Теперь понятно, почему Маркс и Энгельс отзывались с такой презрительной насмешкой об «истинных социалистах» Германии конца сороковых годов, ставших в отрицательное отношение к борьбе немецкой буржуазии против абсолютизма и «проповедующих народной массе, что в этом буржуазном движении она ничего не может выиграть, но рискует все потерять». Историческое учение Маркса и Энгельса представляет собою настоящую «алгебру революции», как выразился когда-то Герцен о философии Гегеля. Поэтому они сочувствовали «всякому революционному движению против существующих общественных и политических отношений»; потому же они отнеслись с горячим сочувствием и к русскому движению, сделавшему Россию, по их выражению, передовым отрядом европейской революции.

Но, несмотря на всю их ясность и недвусмысленность, взгляды Маркса подали, однако, повод ко многим недоразумениям в области революционной теории и практики. Так, например, у нас часто говорят, что теории научного социализма неприменимы к России, потому что они выросли на почве западноевропейских экономических отношений. Учению Маркса подсказывается тот смешной вывод, что Россия должна пройти совершенно те же фазы историко-экономического развития, которые были пройдены Западом. Под влиянием убеждения в неизбежности этого вывода, уже не один русский философ, незнакомый ни с Марксом, ни с историей Западной Европы, ополчался на автора «Капитала», обвиняя его в узости и шаблонности взглядов. Но, разумеется, это была борьба с ветряными мельницами. Наши дон Кихоты не понимали, что история западноевропейских отношений положена Марксом лишь в основу истории капиталистического производства, которое родилось и выросло именно в этой части света.

Общие философско-исторические взгляды Маркса имеют ровно такое же отношение к современной Западной Европе, как к Греции и Риму, Индии и Египту. Они обнимают всю культурную историю человечества и могут быть неприменимы к России только в случае их общей несостоятельности. Само собою понятно, что ни автор «Капитала», ни его знаменитый друг и сотрудник не исключают из своего поля зрения экономических особенностей той или другой страны; они только ищут в них объяснения всех ее общественно-политических и умственных движений. Что они не игнорируют значения нашей поземельной общины, видно уже из того обстоятельства, что не далее как в январе 1882 года они не считали возможным сделать решительное предсказание относительно ее будущей судьбы.

В предисловии к нашему переводу «Манифеста коммунистической партии» (Женева 1882 г.) они даже прямо говорят, что русская община может, при известных обстоятельствах, «непосредственно перейти в высшую коммунистическую форму землевладения». Эти обстоятельства стоят, по их мнению, в тесной связи с ходом революционного движения на западе Европы и в России. «Если русская революция, — говорят они, — послужит сигналом рабочей резолюции на Западе, так что обе они пополнят друг друга, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом коммунистического развития» (Манифест комм. партии, VIII).

Едва ли хоть одному «народнику» придет в голову отрицать такого рода условность решения вопроса об общине. Едва ли кто-нибудь может утверждать, что гнет современного государства благоприятен для развития или хотя бы для сохранения поземельной общины. Точно так же, едва ли хоть один человек, понимающий значение международных отношений в экономической жизни современных цивилизованных обществ, может отрицать, что развитие русской общины «в высшую коммунистическую форму» тесно связано с судьбою рабочего движения на Западе. Оказывается, таким образом, что во взгляде Маркса на Россию нет ничего противоречащего самой очевидной действительности, и нелепый предвзвешенный относительно его крайнего «западничества» лишается всякой тени разумного основания.

Но существует другое недоразумение, которое непосредственно касается интересующего нас вопроса о значении политической борьбы в деле переустройства социальных отношений и коренится в ошибочном понимании взгляда Маркса на роль экономического фактора в развитии человеческой культуры. Взгляд этот часто истолковывался многими в том смысле, что автор «Капитала» придает политическому строю общества лишь самое ничтожное значение, считает его не заслуживающею внимания второстепенною частностью, которая не может служить не только целью, но даже и средством плодотворной деятельности.

Нередко и до сих пор можно встретить у нас «марксистов», которые именно на этом основании игнорируют политические задачи социализма. Экономические отношения, говорят они, лежат в основании всякой общественной организации. Изменение этих отношений составляет причину всякого политического переустройства. Чтобы освободиться от ига капитала, рабочий класс должен иметь в виду не следствие, а причину, не политическую, а экономическую организацию общества. Политическая организация не приблизит рабочих к их цели, так как их политическое порабощение будет продолжаться до тех пор, пока не будет устранена экономическая зависимость их от имущих классов. Употребляемые рабочими средства борьбы должны быть приведены в соответствие с ее целью. Экономическая революция может быть достигнута только путем борьбы на экономической же почве

При некоторой последовательности, понимаемый таким образом «марксизм» должен был бы изменить самый взгляд социалистов на цели и средства социальной революции и вернуть их к знаменитой формуле Прудона: «политическая революция — цель, экономическая революция — средство». Точно так же он должен был бы значительно сблизить, по крайней мере, в теории, социалистов-революционеров с последователями «консервативного социализма», который так решительно противится политической самодеятельности рабочего класса. Последний честный и умный представитель этого социализма, Родбертус, именно потому и не сошелся с Лассалем, что знаменитый агитатор старался выдвинуть немецких рабочих на путь самостоятельной политической деятельности. Не Маркс, а Родбертус, не революционный, а консервативный, монархический социализм отрицает значение «политических примесей к экономическим целям» рабочего класса.

И консерваторы прекрасно понимают, почему они так делают; но те, которые хотят примирить революционное движение рабочего класса с отрицанием «политики», те, которые подсказывают Марксу практические тенденции Прудона или даже Родбертуса, — наглядно показывают, что они не понимают автора «Капитала» или сознательно извращают его учение. Мы говорим о сознательном извращении, потому что известная книга московского профессора г. Иванюкова есть не что иное, как именно такое сознательное извращение всех следствий, вытекающих из основных положений научного социализма. Книга эта показывает, что наши русские полицей-социалисты не прочь эксплуатировать для своих реакционных целей даже такую теорию, под знаменем которой совершается самое революционное движение нашего века. Одно это обстоятельство могло бы сделать необходимым подробное выяснение политической программы современного социализма.

Мы и приступим теперь к этому выяснению, не пускаясь, однако, ни в какую полемику с гг. Иванюковыми, так как достаточно выяснить истинный смысл той или другой теории, чтобы тем самым опровергнуть умышленные ее искажения. Притом же нас гораздо более интересуют здесь те революционеры, которые, при всей искренности своих стремлений, слишком еще пропитаны, хотя, быть может, и бессознательно, анархическими учениями, и потому готовы видеть в сочинениях Маркса мысли, уместные только в «Общих идеях революции в XIX веке». Критика выводов, сделанных ими из философско-исторических взглядов Маркса, логически приведет нас к вопросу о так называемом захвате власти и покажет нам, насколько правы те, которые усматривают в этом акте какое-то преступление против идеи человеческой свободы, а равно и те, которые, наоборот, видят в нем альфу и омегу всего социально-революционного движения.

Посмотрим, прежде всего, какое значение имеют понятия о причине и следствии в применении к общественным отношениям.

Если мы толкнем рукой или кием миллиардный шар, то он придет в движение; если мы ударим сталью о кремень, то появится искра. В каждом из этих случаев очень легко определить, какое явление служит причиной и какое — следствием. Но эта легкость решения задачи обуславливается лишь крайнею ее простотою. Если вместо двух одиноко стоящих явлений мы возьмем процесс, в котором одновременно замечается несколько явлений, или даже несколько рядов явлений, то дело значительно усложнится. Так, например, горение свечи есть, относительно говоря, довольно сложный процесс, в результате которого является свет и теплота. Казалось бы поэтому, что мы, безо всякого риска ошибиться, можем назвать выделяемую пламенем теплоту одним из следствий этого химического процесса. Так оно и есть до известной степени. Но если бы каким-нибудь способом мы ухитрились лишить пламя выделяемой им теплоты, то горение тотчас прекратилось бы, так как интересующий нас процесс не может происходить при обыкновенной температуре. Поэтому оказался бы до известной степени правым и тот, кто сказал бы, что теплота есть причина горения. Чтобы не уклоняться от истины ни в ту, ни в другую сторону, мы должны были бы сказать, что теплота, явившаяся в данный момент следствием горения, в следующий за тем момент является его причиной. Значит, по отношению к процессу горения в продолжение нескольких моментов, мы должны сказать, что теплота является и следствием его и причиной, или, другими словами, ни следствием, ни причиной, а просто одним из явлений, вызываемых этим процессом и, в свою очередь, составляющих необходимое для него условие.

Возьмем другой пример. Всякому, «даже не обучавшемуся в семинарии», известно, что так называемые растительные процессы человеческого организма оказывают огромное влияние на психические явления. То или другое настроение духа оказывается следствием того или другого физического состояния организма. Но раз существует известное настроение духа, то самые растительные процессы часто испытывают на себе его влияние, и оно делается, таким образом, причиной тех или других изменений в физическом состоянии организма. Чтобы и здесь не погрешить ни в ту, ни в другую сторону, мы должны сказать, что психические явления и растительная жизнь организма представляют собою два ряда сосуществующих

процессов, при чем каждый из этих рядов испытывает влияние другого. И если бы какой-нибудь медик стал игнорировать психические влияния на том основании, что душевное настроение человека есть следствие физического состояния его организма, мы сказали бы, что школьная логика лишила его всякой способности к разумной медицинской практике. Общественная жизнь отличается еще большею сложностью, чем жизнь индивидуального организма. Поэтому в ней еще более заметна относительность понятий о причине и следствии.

По учению классической экономики, высота заработной платы определяется, в среднем выводе, уровнем насущнейших потребностей рабочего. Значит, данная высота заработной платы есть следствие данного состояния потребностей рабочего. Но, с своей стороны, потребности эти могут повыситься лишь в случае повышения заработной платы, потому что иначе не было бы достаточной причины для изменения их уровня. Следовательно, данная высота заработной платы есть причина данного состояния потребностей рабочего. Из этого логического круга нельзя вырваться с помощью школьных категорий причины и следствия. И мы будем попадать в него на каждом шагу наших социологических рассуждений, если забудем, что «причина и следствие суть понятия, имеющие значение лишь в применении к отдельным случаям; но раз мы рассматриваем этот случай в его общей мировой связи, то причина и следствие совпадают, их противоположность исчезает при созерцании всемирного взаимодействия, в котором причина и следствие постоянно меняются местами, и то, что теперь или здесь — следствие, станет там или тогда причиной, и наоборот» (Фр. Энгельс) *.

Сделавши эту оговорку, постараемся определить теперь, в каком смысле нужно понимать причинную связь между экономическими отношениями и политическим строем данного общества.

* См . «Herrn Eugen Duhrings Umwälzung der Wissensch.» S. 6.

Чему учит нас, в этом случае, история? Она показывает нам, что всегда и везде, где процесс экономического развития вызывал расчленение общества на классы, — противоречие интересов этих классов неизбежно приводило их к борьбе за политическое господство. Эта борьба возникала не только между различными слоями господствующих классов, но также между этими классами, с одной стороны, и народом — с другой, если только последний был поставлен в условия, хоть немного благоприятные для его умственного развития.

В государствах древнего Востока мы видим борьбу между воинами и жрецами; весь драматизм истории античного мира заключается в борьбе аристократии и демоса, патрициев и плебеев; средние века выдвигают горожан, которые стремятся завоевать политическое господство в пределах своих коммун; наконец, современный рабочий класс ведет политическую борьбу с буржуазией, достигшей полного господства в новейшем государстве. Всегда и везде политическая власть была рычагом, с помощью которого добившийся господства класс совершал общественный переворот, необходимый для его благосостояния и дальнейшего развития.

Чтобы не заходить далеко, вспомним историю «третьего сословия», этого класса, который с гордостью может смотреть на свое прошлое, полное блестящих завоеваний во всех отраслях жизни и мысли. Едва ли кому-нибудь может придти в голову упрекнуть буржуазию в отсутствии такта и умения достигать своих целей наиболее подходящими средствами. Никто не станет также отрицать, что ее стремления имели вполне определенный экономический характер. Это не помешало ей, однако, вступить на путь политической борьбы и политических завоеваний. То с оружием в руках, то путем мирных договоров, то во имя республиканской независимости своих городов, то во имя усиления королевской власти — нарождающаяся буржуазия вела в течение целых столетий непрерывную упорную борьбу с феодализмом, и уже задолго до французской революции могла с гордостью указывать врагам на свои успехи. «Различны были шансы и неодинаков успех в великой борьбе горожан против феодалов, — говорит историк *, — и не только сумма вольностей, вырванных силою или полученных путем мирного соглашения, была не повсюду одинакова, но даже и при одних и тех же политических формах города пользовались часто различною степенью свободы и независимости». Тем не менее, смысл движения был тождествен повсюду и знаменовал собою начало социальной эмансипации третьего сословия и упадка аристократии, светской и духовной **.

* См . «Essai sur l'histoire du tiers Etat», par Aug. Thierry, p. 33—34.

** Странники феодализма прекрасно понимали дела горожан и связь их политических и экономических требований. «Коммуна есть слово покое и гнусное, — говорит аббат Гибер, — и вот что оно означает — люди, обязанные нести повинности, платят своему господину должную ими ренту один только раз в год. Когда они совершают какое-нибудь преступление, они платят установленный законом штраф, а что касается денежных обложений, которым подвергаются обыкновенно крепостные, то они освобождаются от них совершенно». Laurent, «La feodalite et l'eglise». p. 546.

В общем, это движение принесло горожанам «муниципальную независимость, право выбора всех местных властей, точную определенность в повинностях», обеспечило права личности внутри городских коммун *, дало буржуазии более высокое положение в сословных государствах «старого режима», и рядом постоянных завоеваний привело ее, наконец, к полному господству в современном обществе.

* Лютихский Статут устанавливает принцип неприкосновенности жилища в следующем энергическом выражении: «Бедняк в своем жилище — король». Laurent, *ibid.*, p. 540.

Ставя себе совершенно определенные, хотя со временем и изменяющиеся, социально-экономические цели, почерпая средства для своей дальнейшей борьбы из приобретенных уже выгод своего материального положения, буржуазия не упустила ни одного случая дать правовое выражение достигнутым ею ступеням экономического прогресса и, наоборот, с таким же искусством пользовалась каждым своим политическим приобретением для новых завоеваний в области экономической жизни. Не далее, как в половине сороковых годов текущего столетия, английская «Лига против хлебных законов» добивалась, по остроумному плану Ричарда Кобдена, усиления своего политического влияния в «графствах» ради отмены ненавистной ей «монополии», имевшей, по-видимому, исключительно экономический характер.

История есть величайший диалектик, и если, в ходе ее движения, разум превращается, по выражению Мефистофеля, в бессмыслицу, а благодеяние становится источником страданий, — то не менее часто в историческом процессе следствие становится причиной, а причина оказывается следствием. Вырастая из экономических отношений современного ему общества, политическое могущество буржуазии, в свою очередь, служило и служит незаменимым фактором дальнейшего развития этих отношений.

Теперь, когда буржуазия близится к окончанию своей исторической роли, и пролетариат становится единственным представителем прогрессивных стремлений в обществе, мы можем наблюдать явление, аналогичное вышеуказанному, хотя и совершающееся при изменившихся условиях. Во всех передовых государствах цивилизованного мира, в Европе так же, как и в Америке, рабочий класс выступает на поприще политической борьбы, и чем сознательнее относится он к своим экономическим задачам, тем решительнее выделяется он в особую политическую партию. «Так как существующие ныне политические партии всегда действовали лишь в интересах имущих для охранения их экономических привилегий, — читаем мы в программе североамериканской социалистической рабочей партии, — то рабочий класс обязан организовать в большую рабочую партию, чтобы добиться политической силы в государстве и завоевать, с ее помощью, экономическую независимость, потому что освобождение рабочего класса может быть совершено лишь самими рабочими» *.

* Von Studnitz, «Nordamerikanische Arbeiterverh d ltnise», S. 353.

В том же духе и вполне согласно с программой немецкой социал-демократии высказывается французская рабочая партия, которая признает, что пролетариат должен стремиться к экономической революции «всеми зависящими от него средствами, не исключая и всеобщего избирательного права, превращаемого таким образом из орудия обмана, каким оно было до сих пор, в орудие освобождения». Испанская рабочая партия также стремится к «завоеванию политической власти» для устранения препятствий, стоящих на пути к освобождению рабочего класса *.

* Мы цитируем эту программу по книге Б. Малона: «Le nouveau parti», t. I, p. 15.

В Англии, где, со времени прекращения чартистского движения, борьба пролетариата сосредоточивалась исключительно на экономической почве, — политические стремления рабочих начинают снова оживать в последнее время. Не далее, как несколько лет тому назад немецкий экономист Луи Брентано с торжеством констатировал в своей книге «Das Arbeitsverhalthis etc.» полное исчезновение «социал-демократических» тенденций в Англии и с истинно буржуазным самодовольством глубокомысленно философствовал на ту тему, что «в настоящее время Англия снова образует одну нацию», что «современные английские рабочие снова составляют часть великой либеральной партии», а не стремятся к захвату государственной власти, чтобы с ее помощью «перестроить общество в своих интересах» (стр. 110).

Опубликованный недавно манифест английской «демократической федерации» показывает, что радость буржуазного экономиста была несколько преждевременна. Демократическая федерация стремится вызвать политическое отделение эксплуатируемых от эксплуататоров и приглашает первую из этих «наций» именно к захвату государственной власти с целью переустройства общества в интересах рабочих. «Пришло время, — говорит названный манифест, — когда народная масса необходимо должна взять в свои собственные руки заведование касающимися ее делами; политическая и социальная сила представляет собою в настоящее время монополию людей, живущих трудом своих сограждан. Землевладельцы и капиталисты, завладевшие Верхней Палатой и наполняющие Нижнюю, стремятся лишь к охранению своих собственных интересов. Возьмите свою судьбу в свои собственные руки, устраните этих богатых паразитов обеих групп и рассчитывайте только на самих себя!» Манифест требует «полного права голосования для всех взрослых мужчин и женщин» Соединенного Королевства и других политических реформ, осуществление которых «показало бы только, что мужчины и женщины этой страны стали господами у себя дома». Далее перечисляется — в качестве ближайших требований английской демократической федерации — целый ряд мер, необходимых для развития «здорового, независимого и серьезного образованного поколения, готового организовать труд каждого на пользу всех и овладеть, наконец, всей социально-политической машиной государства, в котором перестанут тогда существовать классовые различия и привилегии».

Таким образом и английский пролетариат снова выступает на тот путь, на который давно уже вышли работники других цивилизованных государств.

Но подобно тому, как буржуазия не только боролась с аристократией на почве существующих уже политических отношений, а стремилась также перестроить эти отношения в своих интересах, пролетариат не ограничивает свою политическую программу захватом современной государственной машины. В его среде все более и более распространяется убеждение в том, что «каждый порядок вещей, определяющий взаимное положение граждан и их имущественные и трудовые отношения, соответствует особой форме правления, которая служит для него средством осуществления и сохранения в одно и то же время»*.

* См. «Sozialdemokratische Abhandlungen», von M. Rittinghausen, drittes Heft, «Ueber die Notwendigkeit der direkten Gesetzgebung durch das Volk». S. 3.

Между тем как представительная (монархическая или республиканская) система была детищем буржуазии, пролетариат требует прямого народного законодательства, как единственной политической формы, при которой возможно осуществление его социальных стремлений. Это требование рабочего класса занимает одно из первых мест в программе социальной демократии всех стран и стоит в самой тесной связи со всеми остальными пунктами ее программы*. Вопреки Прудону, пролетариат продолжает смотреть на «политическую революцию», как на самое могущественное средство достижения экономического переворота.

* См. программы немецкой и североамериканской рабочих партий. Манифест английской демократической партии также требует «прямого голосования по всем важным вопросам».

Уже одно это свидетельство истории должно было бы предрасположить нас к той мысли, что не ошибочная теория, а верный практический инстинкт лежит в основе политических тенденций различных общественных классов. Если, несмотря на полное несходство в других отношениях, все классы, ведущие сознательную борьбу со своими противниками, начинают на известной стадии своего развития стремиться обеспечить себе политическое влияние, а затем и господство — то ясно, что политический строй общества представляет собою далеко не безразличное условие для их развития.

А если мы видим, кроме того, что ни один класс, добившийся политического господства, не имеет причин раскаиваться в своем интересе к «политике»; если, напротив, каждый из них достигал высшей, кульминационной точки своего развития лишь после того, как он приобретал политическое господство, то мы должны признать, что политическая борьба представляет собою такое средство социального переустройства, годность которого доказана историей. Всякое учение, противоречащее этой исторической индукции, лишается значительной доли убедительности, и если бы современный социализм действительно осуждал политические стремления рабочего класса, как нецелесообразные, то уже по одному этому он не мог бы называться научным.

Проверим теперь наше наведение дедуктивным путем, принимая философско-исторические взгляды Маркса за посылки для наших выводов.

Представим себе общество, в котором данный класс пользуется полным господством. Он добился этого господства благодаря преимуществам своего экономического положения, которые открывают, согласно нашим посылкам, путь ко всем другим успехам общественной жизни. В качестве господствующего класса, он, разумеется, приспособляет общественную организацию к наиболее выгодным условиям своего существования и тщательно устраняет из нее все, что может так или иначе ослабить его влияние. «Господствующий класс каждого данного периода, — справедливо говорит Шеффле, — есть также и творец его права и обычаев. Его члены повинуются лишь инстинкту самосохранения, когда они стараются упрочить свое господство и удержать его на возможно более продолжительное время за своими потомками, как необходимое условие их привилегированного положения и средство эксплуатации угнетенных... Почти ни одна часть положительного права не пользуется таким почетом со стороны господствующих сословий данного времени, ни одной не приписывается в такой степени характер «вечных» институтов или даже «священных» основ общества, как той, которая упрочивает сословные права и защищает классовое господство 1).

1) См. Шеффле, «Bau und Loben des soz. Körpers», В. III, S.S. 91 und 102.

И до тех пор пока господствующий класс будет носителем наиболее прогрессивных общественных идеалов, созданный им строй будет удовлетворять всем требованиям социального развития. Но как только экономическая история данного общества выдвинет новые элементы поступательного движения, как только его «производительные силы придут в столкновение с существующими отношениями производства — или, говоря юридическим языком, с имущественными отношениями, внутри которых они до тех пор вращались», — прогрессивная роль данного господствующего класса будет окончена.

Из представителя прогресса он делается заклятым его врагом и, разумеется, воспользуется государственной машиной с целью самообороны. Политическая власть делается в его руках самым могучим орудием реакции. Чтобы открыть свободный путь развитию производительных сил общества, необходимо устранить тормозящие это развитие имущественные отношения, т. е. произвести, как говорит Маркс, социальную революцию. Но это невозможно до тех пор, пока законодательная власть находится в руках представителей старого порядка, т. е., говоря другими словами, пока она охраняет интересы господствующего класса. Неудивительно поэтому, что новаторы, т. е. представители угнетенного класса или классов, будут стремиться выбить из рук своих противников и обратить против них это страшное оружие.

Сама логика вещей выдвинет их на путь политической борьбы и захвата государственной власти, хотя они и задаются целью экономического переворота. Лассаль сказал глубокую истину, когда заметил в предисловии к своей «Системе

приобретенных прав», что «там, где юридические отношения, переходя в область частного права, теряют, по-видимому, всякую связь с политикой, в них оказывается гораздо более политического, чем в самой политике, потому что тогда они представляют собою элемент социальный» *.

* См. «System der erworbenen Rechte», Leipzig 1880, erster Teil, Vorrede. S. VII.

В практической жизни дело происходит, конечно, далеко не так скоро, как это можно было бы предположить, рассуждая а priori. Угнетенный класс лишь постепенно уясняет себе связь между своим экономическим положением и своею политической ролью в государстве. Долгое время он не понимает во всей ее полноте даже своей экономической задачи. Составляющие его индивидуумы ведут тяжелую борьбу за свое повседневное существование, не задумываясь даже о том, каким сторонам общественной организации обязаны они своим бедственным положением. Они стараются избегать наносимых им ударов, не спрашивая себя, откуда и кем направляются в последнем счете эти удары. В них нет еще классового сознания, в их борьбе против отдельных угнетателей нет никакой руководящей идеи. Угнетенный класс еще не существует для себя; он будет со временем передовым классом общества, но он еще не становится им. Сознательно организованной силе господствующего класса противостоят лишь разрозненные, единичные стремления отдельных личностей или отдельных групп личностей.

Так, напр., и теперь еще не редкость встретить рабочего, который ненавидит особенно энергичного эксплуататора, но не подозревает еще необходимости борьбы против целого класса эксплуататоров и устранения самой возможности эксплуатации человека человеком.

Мало-помалу процесс обобщения делает, однако, свое дело, и угнетенные начинают сознавать себя классом. Но они еще слишком односторонне понимают особенности своего классового положения: пружины и двигатели общественного механизма в его целом остаются еще скрытыми от их умственных взоров. Класс эксплуататоров представляется им простою совокупностью отдельных предпринимателей, не связанных нитями политической организации.

На этой ступени развития в понятиях угнетенных, как и в голове профессора Лоренца фон Штейна, не ясна еще связь между «обществом» и «государством». Предполагается, что государственная власть стоит выше антагонизма классов, ее представители кажутся естественными судьями и примирителями враждующих сторон. Угнетенный класс относится к ним с полным доверием и приходит в большое удивление, когда обращенные к ним с его стороны просьбы о помощи остаются без ответа. Не останавливаясь на частных примерах, мы заметим только, что подобная путаница понятий обнаруживалась до последнего времени английскими рабочими, которые вели весьма энергичную борьбу на экономической почве и в то же время находили возможным фигурировать в рядах той или другой буржуазной политической партии.

Только на следующей и последней ступени развития угнетенный класс всесторонне выясняет себе свое положение. Теперь он понимает, какая связь существует между обществом и государством, и не апеллирует на притеснения своих эксплуататоров к тем, кто представляет собою политический орган той же эксплуатации. Он знает, что государство есть крепость, служащая оплотом и защитой его притеснителям, крепость, которую можно и должно овладеть, которую можно и должно перестроить в интересах своей собственной защиты, но невозможно обойти, полагаясь на ее нейтралитет. Рассчитывая лишь на самих себя, угнетенные начинают понимать, что «политическая самопомощь есть, как говорит Ланге, важнейший из всех видов социальной самопомощи». Они стремятся тогда к политическому господству, чтобы помочь себе путем изменения существующих социальных отношений и приспособления общественного строя к условиям своего собственного развития и благосостояния.

Разумеется, они тоже не вдруг достигают господства; лишь постепенно становятся они грозной силой, исключаящей в умах противников всякую мысль о сопротивлении. Долгое время добиваются они лишь уступок, требуют лишь таких реформ, которые дали бы им не господство, а только возможность расти и созревать для будущего господства; реформ, которые удовлетворили бы самые насущные, самые ближайшие их требования и хоть немного расширили бы сферу их влияния на общественную жизнь страны.

Только пройдя суровую школу борьбы за отдельные клочки неприятельской территории, угнетенный класс приобретает настойчивость, смелость и развитие, необходимые для решительной битвы. Но раз приобретя эти качества, он может смотреть на своих противников, как на класс, окончательно осужденный историей; он может уже не сомневаться в своей победе. Так называемая революция есть только последний акт в длинной драме революционной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она делается борьбою политической *.

* Примечание ко 2-му изд. Эти строки были написаны за 15 лет до выступления г. Бернштейна в роли «критика Маркса». Пусть судит сам читатель, прав ли этот «критик» и его многочисленные единомышленники, упрекающие нас, «ортодоксов», в том, что мы понимаем революцию пролетариата как простую и почти моментальную «катастрофу».

Спрашивается теперь, целесообразно ли поступили бы социалисты, если бы они стали удерживать рабочих от «политики» на том основании, что политический строй общества обуславливается экономическими его отношениями? Конечно, нет. Они лишили бы рабочих точки опоры для их борьбы, отняли бы у них возможность сконцентрировать свои усилия и направить свои удары на созданную их эксплуататорами общественную организацию. Вместо этого рабочим пришлось бы вести партизанскую войну с отдельными эксплуататорами или, самое большее, с отдельными группами этих эксплуататоров, на стороне которых всегда стояла бы организованная сила государства. Именно такую ошибку делали русские социалисты из так называемой интеллигенции, когда они порицали (в № 4 «З. и В.») «Северно-Русский Рабочий Союз» за то, что он выставил в своей программе известные политические требования. Ту же ошибку повторило «Зерно», которое рекомендовало

рабочим вести борьбу на экономической почве, добиваться сокращения рабочего дня, повышения заработной платы и т. п., даже убивать шпионов и особенно нелюбимых мастеров и предпринимателей, но ни одним словом не обмолвилось о политических задачах русских работников.

Это отсутствие синтеза в революционных взглядах и программах наших социалистов не могло не оказать самого вредного влияния на результаты их деятельности. Охраняя политический индифферентизм рабочих, как важнейший признак радикализма их экономических требований, мы тем самым оказывали косвенную поддержку современному абсолютизму. Кроме того, обрывая наши программы именно на том пункте, где нужно было подвести политический итог социальным требованиям рабочего класса, мы уменьшали практическое значение этих программ в глазах рабочих, лучше нас понимавших, до какой степени бесплодна разрозненная борьба против отдельных эксплуататоров. К счастью, наше рабочее движение очень рано переросло эту первую фазу своего развития. Ответ «Северно-Русского Рабочего Союза» редакции «Земли и Воли» (см. № 5 этого издания) показал, что, по крайней мере, члены этого Союза раньше нашей «интеллигенции» поняли всю неуместность «политического невмешательства» рабочего класса.

Все это прекрасно, скажет иной читатель, но ваша аргументация не попадает в цель. Мы не отрицаем, что рабочему классу было бы полезно добиться политического влияния и захватить государственную власть в свои руки; мы утверждаем только, что в настоящее время это невозможно для него по многим причинам. Ваша ссылка на историю буржуазии недоказательна, так как положение пролетариата в буржуазном обществе вовсе не сходно с положением третьего сословия в государствах «старого режима». Сам Маркс признает это несходство и формулирует его следующим образом в «Коммунистическом манифесте». «Под гнетом лежавшего на нем ига средневековой крепостной возвысился, — говорит он, — до степени члена коммуны, подобно тому, как горожанин вырос до буржуа, несмотря на гнет феодального абсолютизма. Напротив, современный рабочий, вместо того, чтобы с прогрессом промышленности улучшать свое положение, опускается все ниже и ниже. Работник становится нищим, и нищета развивается быстрее, чем население и богатство буржуазных стран». Если каждый прогрессивный шаг буржуазии в области производства и обмена сопровождался «соответствующими политическими завоеваниями», то в этом нет ничего удивительного: всякому известно, что улучшение материального благосостояния того или другого класса сопровождается возрастанием его политического влияния. Но именно тот факт, что политические завоевания буржуазии предполагали увеличение ее богатства — именно этот факт и заставляет безнадежно смотреть на политические движения рабочего класса. Все более и более превращаясь в «нищих», рабочие должны, по-видимому, утратить и ту долю влияния, которую они приобрели в борьбе за интересы буржуазии, «побивая врагов своих врагов, — остатки абсолютной монархии, землевладельцев, непромышленную буржуазию» и т. д. Политическая борьба рабочего класса нецелесообразна, потому что, в силу экономического его положения, она осуждена на неудачу.

При всей своей внутренней несостоятельности, возражение это кажется, на первый взгляд, до такой степени решительным, что его невозможно обойти молчанием. Оно является последним основанием аргументации тех сторонников теории политического невмешательства, которые считают себя последователями Маркса*. Поэтому, с его устранением теория невмешательства падает окончательно, и политические задачи современного социализма выступают в их истинном свете.

* Примечание ко 2-му изд. Это покажется парадоксом, но на самом деле теория политического невмешательства рабочего класса формулирована была Бакуниным, как вывод из материалистического объяснения истории. Бакунин, бывший горячим сторонником этого объяснения, рассуждал так: если политический строй всякого данного общества основывается на его экономике, то политическая революция излишня; она сама явится результатом экономической революции. Этот человек, который был когда-то учеником Гегеля, и который должен был бы, кажется, изощрить свою логику, никак не мог понять, что результатом экономики является не только всякий данный, готовый политический строй, но и всякое новое политическое движение, которое, возникнув на почве данных экономических отношений, в свою очередь, служит необходимым орудием их переустройства. На этом недоразумении до сих пор строятся все наиболее серьезные возражения анархистов против социал-демократов.

Доля рабочего класса в национальном продукте постоянно уменьшается, — это не подлежит ни малейшему сомнению. Он становится беднее не только относительно, но и абсолютно, его доход не только не возрастает в одинаковой прогрессии с доходом других классов общества, но он падает; реальная заработная плата современного пролетария (количество достоящихся ему предметов потребления) меньше, чем была плата рабочего 500 лет тому назад — это доказано исследованиями Роджерса, Дюшатле и др. *.

* Примечание ко 2-му изданию. Это касается «теории обнищания», наделавшей столько шума во время «Бернштейниады». О ней см. в моей статье «Критика наших критиков», в 2—3-й книжке «Зари».

Но отсюда вовсе еще не следует, что в настоящее время экономические условия менее благоприятны для политического движения рабочего класса, чем были они в четырнадцатом веке. Мы говорили уже выше, что, при такого рода оценке экономических условий данной страны, нужно принимать во внимание не только распределение национального дохода, но, главным образом, организацию производства и способ обмена продуктов.

Сила зарождавшейся буржуазии заключалась не столько в ее богатстве, сколько в том общественно-экономическом прогрессе, носителем которого она некогда явилась. Не увеличение ее дохода толкнуло ее на путь революционной борьбы и обеспечило возрастание ее политического влияния, а противоречие между вызванными ею к жизни производительными силами и теми условиями, в которых совершались производство и обмен продуктов в феодальном обществе. Сделавшись представительницей прогрессивных требований в этом обществе, она собрала под свое знамя все его недовольные элементы и повела их на борьбу против режима, ненавистного огромному большинству народа. Не деньги, а неразвитое состояние

рабочего класса создало ей руководящую роль в этом освободительном движении. Ее богатство, ее и тогда уже относительно довольно высокое общественное положение были, конечно, необходимы для исполнения этой роли.

Но чем обуславливалась эта необходимость? Прежде всего невозможностью для нее вести дело разрушения старого порядка без помощи низших слоев населения. Здесь-то и помогло ей ее богатство. Оно принесло ей влияние на ту самую массу, которая должна была сражаться за ее господство.

Не будучи богатой, буржуазия не была бы и влиятельной, а без влияния на народ она не победила бы и аристократии, потому что она была сильна не собственной силой, а той силой, над которой она уже господствовала и которой она повелевала, благодаря своим капиталам.

Спрашивается теперь, возможно ли для пролетариата такое влияние на какой-нибудь другой класс населения и нужно ли оно для его торжества? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы услышать решительное «нет» от всякого, понимающего современное положение рабочего класса. Пролетариату невозможно влиять на низшие классы так, как влияла когда-то на него буржуазия, по той простой причине, что нет таких классов, которые стояли бы ниже его; он представляет собою самую последнюю экономическую формацию современного общества.

Да ему и не нужно добиваться такого влияния, потому что он, в то же время, есть самый многочисленный слой этого общества, потому что, вместе с другими слоями трудящегося населения, он всегда был именно тою средою, вмешательство которой решало политические споры. Говорим — самый многочисленный класс, потому что все «прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же именно ею и создается. Средние слои, мелкие купцы и промышленники, ремесленники и крестьяне — все они борются против буржуазии, чтобы отстоять свое существование, как средних слоев. Следовательно, они консервативны. Еще того более, они реакционны, они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они имеют революционное значение, то лишь постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не современные, но будущие свои интересы, поскольку они покидают свою точку зрения и становятся на точку зрения пролетариата».

Прежде рабочий класс побеждал, состоя под начальством буржуазии, и только наивно дивился тому странному обстоятельству, что почти все трудности борьбы падают на его долю, между тем как почти все выгоды и почести победы достаются его союзнице. Теперь он не довольствуется этой служебной ролью и обращает против буржуазии ту самую силу, которая некогда принесла ей победу. Но теперь эта сила значительно увеличилась. Она возросла и продолжает возрастать в той же пропорции, в какой совершенались и совершеншаются концентрация капиталов и распространение крупного производства. Она возросла, кроме того, в той самой мере, в какой умножился политический опыт рабочего класса, выведенного самой буржуазией на арену общественной деятельности.

Можно ли сомневаться, что пролетариат, оказавшийся некогда достаточно сильным, чтобы разрушить феодальный абсолютизм под руководством буржуазии, будет со временем достаточно силен, чтобы сломить политическое господство буржуазии по своей собственной инициативе? Буржуазия могла победить феодализм лишь благодаря своему богатству, пролетариат победит буржуазию именно потому, что его удел — «нищета» — становится уделом все большей и большей части современного общества.

Но в истории развития буржуазии богатство оказало ей и другую и притом весьма «производительную услугу», как выразились бы экономисты. Оно дало ей знание, сделало ее самым передовым и образованным слоем тогдашнего общества. Может ли пролетариат приобрести это знание, может ли он быть одновременно и самым бедным, и самым развитым из всех общественных классов? Политическое господство невозможно для него вне этого условия, потому что без знания — нет силы!

Мы говорили уже, что сама буржуазия начала политическое воспитание пролетариата. Она заботилась об его образовании, поскольку это было нужно ей для борьбы с ее врагами. Она расшатала его религиозные верования там, где это было необходимо для ослабления политического значения духовенства; она расширила его правовые воззрения там, где ей нужно было противопоставить «естественное» право писанному праву сословного государства. Теперь стал на очередь экономический вопрос, и политическая экономия играет теперь — по выражению одного очень умного немца * — такую же важную роль, какую играло в XVIII столетии естественное право.

* Примечание ко 2-м у изд. Т. Родбертуса.

Захочет ли буржуазия быть руководительницей рабочего класса при исследовании отношений труда к капиталу, этого вопроса из вопросов всей общественной экономии? Она неохотно берет на себя даже эту выгодную для нее роль, потому что поднимать этот вопрос, значит уже угрожать ее господству. Да и может ли она выполнить эту роль хотя бы так, как она выполнила ее когда-то по отношению к религии и праву? Нет!

Ослепленные интересами своего класса, ее ученые представители давно уже утратили всякую способность к объективному, научному исследованию общественных вопросов. В этом и заключается вся тайна современного упадка буржуазной экономии. Рикардо был последним экономистом, который, оставаясь буржуа до конца ногтей, имел достаточно ума, чтобы понять диаметрально противоположность интересов труда и капитала. Сисмонди был последним экономистом-буржуа, у которого было достаточно чувства, чтобы нелицемерно оплакать этот антагонизм. После них общие, теоретические исследования буржуазных экономистов утратили, большею частью, всякое научное значение. Чтобы убедиться в этом, достаточно припомнить историю политической экономии со времен Рикардо и полюбоваться произведениями Бастиа, Кери, Леруа-Болье или хотя бы современных катедер-социалистов.

Из мирных и объективных мыслителей буржуазные экономисты превратились в воинственных охранителей и стражей капитала, направляющих все свои усилия на то, чтобы перестроить с военными целями самое здание науки. Но, несмотря на эти воинственные упражнения, они отступают беспрерывно и оставляют в руках неприятелей ту научную территорию, на которой они когда-то властвовали бесконтрольно. В настоящее время люди, совершенно чуждые каких бы то ни было «демагогических» стремлений, уверяют, будто рабочие «лучше какого-нибудь Пр. Смита или Фаухера способны усваивать самые абстрактные понятия» в экономической науке. Так думал, например, человек, имя которого пользуется огромным авторитетом среди немецких экономистов, но который с своей стороны питал к ним самое глубокое презрение. «Мы смотрим на рабочих, как на детей, — прибавлял этот человек, — между тем как они переросли уже нас на целую голову» *.

* Примечание ко 2-му изд. Я опять имею в виду Родбертуса.

Но нет ли в его словах преувеличения? Может ли рабочий класс понимать «абстрактные» вопросы общественной экономики и социализма, не говоря уже лучше, но так же, как люди, затратившие целые десятки лет на свое образование?

На чем основываются положения современного научного социализма? Представляют ли они собою измышления какого-нибудь досужего благодетеля человеческого рода или являются обобщением тех самых явлений, с которыми мы все так или иначе сталкиваемся в своей ежедневной жизни, объяснением тех самых законов, которыми определяется наше участие в производстве, обмене или просто в распределении продуктов? Кто решит этот вопрос в последнем смысле, тот согласится, что рабочий класс имеет много шансов для правильного понимания «самых абстрактных» законов общественной экономики, для усвоения самых отвлеченных положений научного социализма.

Трудность понимания законов той или другой науки обуславливается неполным знакомством с данными, лежащими в основании этих законов. Там, где речь идет лишь об явлениях повседневной жизни, где научный закон обобщает лишь каждому известные случаи, там люди практического дела не только отлично понимают теоретические положения, но и могут иногда научить самих теоретиков. Спросите сельского хозяина о влиянии отдаленности рынка на цену его продуктов или плодородия почвы на высоту поземельной ренты. Спросите фабриканта о влиянии расширения сбыта на удешевление производства. Спросите рабочего, откуда берется прибыль его предпринимателя... Вы убедитесь, что все эти люди знают Рикардо, никогда не выдавши даже обертки его сочинений. А ведь эти вопросы пользуются репутацией весьма сложных и «абстрактных» вопросов; ведь по поводу их пролиты целые моря чернил, написано такое огромное количество томов, что, приступая к изучению экономической науки, можно ужаснуться этих ворохов печатной бумаги. И так во всем, во всех частях общественной экономики!

Возьмите хоть теорию меновой стоимости. В двух словах вы можете объяснить рабочему, чем и как она определяется; а вот многие из гг. буржуазных экономистов до сих пор не хотят или не могут понять этой весьма простой теории и впадают в спорах о ней в такие грубые логические ошибки, за которые ни один учитель арифметики не постеснялся бы поставить единицу ученику «младшего возраста». Поэтому мы и думаем, что цитированный нами писатель был прав, что в настоящее время единственно понятливой аудиторией по жгучим социальным вопросам может быть только аудитория, состоящая из пролетариев или людей, ставших на точку зрения пролетариата.

А раз усвоены основные положения общественной экономики — понимание научного социализма не представляет уже трудности: рабочий и здесь будет следовать лишь указаниям своего практического опыта. Эта сторона дела прекрасно выяснена самим Марксом: «Если пролетариат провозглашает разложение всего современного порядка, — читаем мы в его «Критике гегелевской философии права», — то он высказывает этим лишь тайну своего собственного существования, потому что оно есть фактическое разложение этого порядка. Если пролетариат требует отрицания частной собственности, то этим он только возводит на степень общественного принципа то, что уже возведено в его принцип самим обществом, что воплотилось уже в нем, как отрицательный общественный результат, без всякого содействия с его стороны» *.

* См. «Deutsch-Französische Jahrbücher», 1 u. 2 Lieferung, S.S. 81-85.

Мы видим, стало быть, что пролетариат не нуждается в материальном богатстве, чтобы развиться до понимания условий своего освобождения. Его нищета, — обусловленная не бедностью и дикостью общества, а недостатками общественной организации, — такая нищета не только не затрудняет, но облегчает понимание этих условий.

Законы распределения продуктов в капиталистическом обществе в высшей степени неблагоприятны для рабочего класса. Но свойственные капитализму организация производства и форма обмена впервые создают и объективную и субъективную возможность эмансипации трудящихся.

Капитализм расширяет мирозерцание рабочего, уничтожает все предрассудки, унаследованные им от старого общества; он толкает его на борьбу и в то же время обеспечивает победу, увеличивая его численный состав и предоставляя в его распоряжение экономическую возможность организации царства труда. Развитие техники увеличивает власть человека над природой и поднимает производительность труда до такой степени, что обязательность его не может послужить препятствием, но, наоборот, явится необходимым условием всестороннего развития всех членов социалистического общества.

В то же время характеризующая капитализм социализация производства прокладывает путь для обращения в общую собственность его средств и продуктов. Акционерные компании, эта высшая в настоящее время форма организации

промышленных предприятий, устраняют капиталистов от всякой активной роли в экономической жизни общества и превращают их в трутней, исчезновение которых не может произвести ни малейшего замешательства в ходе этой жизни. «Если деятельному роду майордомов удалось некогда без труда свергнуть с престола обленившуюся королевскую династию, — говорит консерватор Родбертус, — то почему бы живая и энергичная организация рабочих (служебный персонал компаний составляют квалифицированные работники), почему бы такая организация не была бы в состоянии устранить со временем собственников, превратившихся в простых рантьееров?.. А между тем капитал уже не может свернуть с этой дороги! Переживши период расцвета, капитал превращается в своего собственного могильщика!»

Почему бы, спросим мы в свою очередь, та самая организация рабочих, которая будет в состоянии «устранить» собственников, сделавшихся простыми рантьеерами», почему бы такая организация не в состоянии была захватить в свои руки государственную власть и добиться таким образом политического господства? Ведь первое предполагает второе: «устранить» собственников может только такая организация, которая в состоянии преодолеть их политическое сопротивление.

Но и это не все; существуют другие общественные явления, которые также увеличивают вероятность политической победы пролетариата.

«По мере развития крупной промышленности, целые слои господствующего класса переходят в ряды пролетариата, или, по крайней мере, подвергаются опасности потерять свое общественное положение. Они также являются воспитательным элементом в среде пролетариата».

«Наконец, в те периоды, когда борьба классов близится к развязке, процесс разложения в среде господствующего класса, внутри всего старого общества, достигает такой сильной степени, что некоторая часть господствующего сословия отделяется от него и примыкает к революционному классу, несущему знамя будущего. Как часть дворянства соединилась некогда с буржуазией, так переходит теперь к пролетариату часть буржуазии, именно буржуа-идеологи, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения».

«У негров северной Гвинеи есть одна в высшей степени замечательная легенда. По словам этой легенды, «бог призвал к себе однажды двух сыновей первой человеческой пары. Один из них был белый, другой — чернокожий. Положивши перед ними кучу золота и книгу, бог приказал черному брату, как старшему, выбирать любой из этих предметов. Тот выбрал золото, и младший брат получил таким образом книгу. Неизвестная сила немедленно перенесла его тогда, вместе с книгой, в отдаленную и холодную страну. Но, благодаря своей книге, он сделался ученым и стал страшен и силен. Старший же брат остался на родине и прожил достаточно долго, чтобы увидеть, насколько наука выше богатства».

Буржуазия обладала когда-то и знанием, и богатством. В противоположность черному брату негритянской легенды, она вступила во владение и золотом, и книгой, потому что бог человеческих обществ, история, не признает прав несовершеннолетних классов и отдает их в опеку их старших братьев. Но настало время, когда обделенный историей рабочий класс вышел из детского возраста, и буржуазии пришлось с ними делиться. У нее осталось золото, между тем как ее младший брат получил «книгу», благодаря которой он, несмотря на мрак и холод своих подвалов, стал теперь уже силен и страшен. Мало-помалу научный социализм вытесняет буржуазные теории со страниц этой магической книги, и скоро пролетариат прочтет в ней, как завоевать ему материальное довольство. Тогда он сбросит с себя позорное иго капитализма и покажет буржуазии, «насколько наука выше богатства».

III.

В первой главе мы старались исторически объяснить возникновение того убеждения, что социализм несовместим ни с какой «политикой». Мы видели, что в основе этого убеждения лежало прудоновско-бакунинское учение о государстве — с одной стороны — и некоторая непоследовательность наших социал-демократов семидесятых годов — с другой. Кроме того, оно встречало поддержку в общем колорите того фона, на котором выделялись оба вышеназванные направления. Фон этот состоял, как мы сказали словами Энгельса, из смеси различных учений различных основателей социалистических сект.

Известно, что социалисты-утописты относились совершенно отрицательно к политическим движениям рабочего класса, в которых они видели «лишь слепое недоверие к новому Евангелию». Этот отрицательный взгляд на «политику» был занесен к нам вместе с учениями утопистов. Задолго до начала сколько-нибудь сильного революционного движения в России, наши социалисты готовы были — подобно «истинным» социалистам Германии конца сороковых годов (см. «Коммунистический Манифест», стр. 32) — «расточать традиционные проклятия либерализму, представительному правлению, буржуазной конкуренции, буржуазной свободе слова, буржуазному праву, буржуазной свободе и равенству», совершенно забывая, что все эти нападки «имеют в виду современное буржуазное общество с соответствующими ему экономическими отношениями и политической организацией», т. е. именно те условия, о завоевании которых только еще должна была пойти речь в нашем отечестве*.

* Сказанное не относится, впрочем, к группе, издававшей «Народное Дело» в Женеве, группе, неоднократно заявлявшей свое отрицательное отношение к «теории политического невмешательства».

В результате всех этих влияний получилась такая твердая уверенность в неуместности всякой политической борьбы, помимо борьбы революционной в узком и вульгарном значении этого слова, что мы стали с предубеждением смотреть на те социалистические партии Западной Европы, которые видели, например, в избирательной агитации могучее средство воспитания и организации рабочих масс. Все сделанные путем этой агитации политические и экономические приобретения казались нам непростительным оппортунизмом, гибельной сделкой с демоном буржуазного государства, равносильной отказу от блаженства в будущей социалистической жизни.

Мы и сами не замечали, что наши теории завели нас в заколдованный круг неразрешимых противоречий. Мы считали поземельную общину исходной точкой социально-экономического развития России и, в то же самое время, отказываясь от политической борьбы, мы добровольно лишали себя всякой возможности предохранить эту общину, путем государственного вмешательства, от разрушительных влияний настоящего времени. Мы должны были, таким образом, оставаться равнодушными зрителями процесса, разрушающего тот самый фундамент, на котором мы хотели строить здание будущего.

Мы видели, однако, что логика событий вывела русское движение на другую дорогу и заставила русских революционеров, в лице партии «Народной Воли», добиваться политического влияния и даже господства, как одного из самых могучих факторов экономической революции. Мы видели также, что, выступая на эту дорогу, наше движение выросло настолько, что социально-политические теории различных разновидностей прудонизма оказались для него слишком узкими и неудобными. Свойственный русской общественной жизни ход вещей пришел в столкновение с ходом господствовавших в нашей революционной среде идей, и тем вызвал новое умственное течение.

Это новое умственное течение, сказали мы далее, до тех пор не отделается от свойственных ему теперь противоречий, пока не сольется с несравненно более глубоким и широким течением современного социализма.

Русские революционеры должны стать на точку зрения социальной демократии Запада и разорвать свою связь с «бунтарскими» теориями так же, как они уже несколько лет тому назад отказались от «бунтарской практики, вводя новый, политический элемент в свою программу. Сделать это им будет не трудно, если они постараются усвоить себе правильный взгляд на политическую сторону учения Маркса и захотят подвергнуть пересмотру приемы и ближайшие задачи своей борьбы, прилагая к ним этот новый критерий.

Мы видели уже во второй главе, к каким ложным выводам подали повод философско-исторические посылки современного социализма. Сама «Народная Воля» не замечала, по-видимому, ошибочности этих выводов и склонна была «даже к защите социологической точки зрения Дюринга о преобладающем влиянии политико-юридического элемента общественного строя на экономический», как выразился П.Л.Лавров, характеризуя новейшие направления в русском революционном движении *. Только эту склонностью и можно объяснить содержащуюся во внутреннем обозрении № 6 «Народной Воли» полемику против каких-то «непосредственных толкователей» исторической теории Маркса, основывающих свой взгляд, по словам автора, «главным образом, на известной триаде Гегеля», не имеющих «иног индуктивного материала» для своих выводов и объясняющих «Гегелев закон» в том смысле, что дурное просто в своем «крайнем развитии приведет к хорошему **.

* См. статью «Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма», «Календарь Н.В.», стр. 109.

** Примечание ко 2-му изд. Впоследствии этот вздор на разные лады повторяли наши «легальные» критики, — Н. Михайловский и братия. Вообще, надо заметить, что эти господа в спорах с нами не могли придумать ровно ничего нового сравнительно с тем, что писалось против нас в нелегальной литературе. Кто хочет убедиться в этом, пусть прочтет статью г. Тихомирова во 2-й книжке «Вестника Народной Воли» («Чего нам ждать от революции?») и сравнит с теми доводами, которые пришлось, долго спустя, опровергать Бельтову в своей книге. «Нелегальная» мысль давно опередила у нас «легальную».

Достаточно познакомиться с программой немецких социал-демократов или французских коллективистов, чтобы видеть, как понимают «историческую теорию Маркса» его западноевропейские последователи и, если угодно, «непосредственные толкователи».

Со своей стороны, мы можем уверить наших русских товарищей, что эти «толкователи» понимают «Гегелев закон» вовсе не «в том смысле, что дурное, просто в своем крайнем развитии, приведет к хорошему», и к тому же пользуются им как «индуктивным материалом» лишь при изучении истории немецкой философии, в которой этот закон занимает весьма видное место и из которой его, во всяком случае, не выкинешь, как не выкинешь, по народному выражению, слова из песни. Цитированное нами место есть почти буквальное повторение слов Дюринга, упрекавшего Маркса в том, что в его исторической схеме «гегелевское отрицание отрицания играет, за недостатком лучших и более ясных средств, роль повивальной бабки, при помощи которой будущее выйдет из недр настоящего» *.

* См. «Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Sozialismus», dritte Auflage, S. 498.

Но эта выходка понесла уже заслуженную кару со стороны Энгельса, разоблачившего все научное ничтожество произведений бывшего берлинского доцента. Зачем же повторять чужие ошибки и становиться, на таком шатком основании, в отрицательное отношение к величайшей и самой революционной общественной теории XIX века? Ведь без революционной теории нет революционного движения, в истинном смысле этого слова.

Всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добивающаяся господства, — революционны лишь постольку, поскольку они представляют собою наиболее прогрессивные общественные течения, а,

следовательно, являются носителями наиболее передовых идей своего времени. Революционная, по своему внутреннему содержанию, идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире. И пока наше движение будет происходить под знаменем отсталых или ошибочных теорий, оно будет иметь революционное значение лишь некоторыми, но далеко не всеми своими сторонами. В то же время оно, без ведома своих участников, будет носить в себе зародыши реакции, которые лишат его и этой доли значения в более или менее «близком будущем, потому что, как сказал еще Гейне, всякому

Новому времени новый костюм

Потребен для нового дела.

А ведь настанет же, наконец, оно, это действительно новое время, и для нашего отечества.

Впрочем, неверное понимание тех или других положений современного социализма не составляет еще главного препятствия для окончательного выхода нашего революционного движения на путь, проложенный рабочим классом Запада. Ближайшее знакомство с литературой «марксизма» покажет нашим социалистам, какого могучего оружия лишали они себя, отказываясь понять и усвоить теорию великого учителя «пролетариев всех стран». Они убедятся тогда, что наше революционное движение не только ничего не потеряет, но, напротив, очень много выиграет, если русские народники и русские народовольцы сделаются, наконец, русскими марксистами, и новая, высшая точка зрения примирит все существующие у нас фракции, которые правы, каждая по своему, потому что, при всей своей односторонности, каждая из них выражает известную насущную потребность русской общественной жизни.

Есть другое препятствие для развития нашего движения в только что указанном направлении. Оно заключается в том отсутствии у нас политического глазомера, которое с самого начала движения мешало нашим революционерам привести свои ближайшие задачи в соответствие со своими силами, и которое обуславливается ни чем другим, как недостатком политического опыта у русских общественных деятелей. Отправлялись ли мы в народ с целью распространения социалистических изданий, селились ли мы в деревнях для организации протестующих элементов нашего крестьянства, вступали ли мы в непосредственную борьбу с представителями абсолютизма, мы везде повторяли одну и ту же ошибку.

Мы всегда преувеличивали свои силы, никогда не принимали в расчет, во всей его полноте, ожидающего нас сопротивления общественной среды и торопились возвести временно благоприятствуемый обстоятельствами способ действия в универсальный принцип, исключаящий все другие способы и приемы. Все наши программы находились, благодаря этому, в совершенно неустойчивом равновесии, из которого их могла вывести самая незначительная перемена в окружающей обстановке. Чуть не каждые два года меняли мы эти программы и не могли остановиться на чем-либо прочном, потому что всегда останавливались на чем-нибудь узком и одностороннем.

Подобно тому, как, по словам Белинского, русское общество, не имея еще литературы, пережило уже все литературные направления, русское социалистическое движение, не сделавшись еще движением нашего рабочего класса, успело уже перепробовать всевозможные оттенки западноевропейского социализма.

Предпринятая «Народной Волей» борьба с абсолютизмом, — выдвигая наших революционеров на более широкий путь деятельности, заставляя их стремиться к созданию действительной партии, — будет, без всякого сомнения, сильно содействовать устранению односторонности кружков. Но, чтобы прекратить эту постоянную смену программ, чтобы отделаться от этих привычек политических номадов и приобрести, наконец, умственную оседлость, русские революционеры должны довести до конца дело критики, начавшееся с возникновением в их среде сознательных политических тенденций. Они должны стать в критическое отношение к той самой программе, которая сделала необходимой критику всех прежних программ и теорий. «Партия Народной Воли» есть дитя переходного времени. Ее программа есть последняя программа, родившаяся в тех условиях, которые делали нашу односторонность неизбежным и потому законным явлением. Расширяя политический горизонт русских социалистов, программа эта сама не свободна еще от односторонности. В ней также заметно отсутствие политического глазомера, способности сообразовать ближайшие цели партии с ее действительными или возможными силами.

Партия Народной Воли напоминает человека, идущего по настоящей дороге, но еще не имеющего понятия о расстояниях и потому уверенного в том, что он тотчас же может «верст сто тысяч отмахать и нигде не отдыхать». Практика разрушит, разумеется, его иллюзию, но это разрушение может стоить ему очень дорого. Лучше ему самому спросить себя, не принадлежат ли семимильные шаги к области фантазии.

Под хождением семимильными шагами мы разумеем упомянутый уже фантастический элемент в интересующей нас программе, который во втором номере «Народной Воли» выразился в уверенности относительно социально-революционного (мы не говорим социалистического) большинства в будущем русском Учредительном Собрании, а в № 8—9 проявил себя в рассуждениях о «захвате власти временным революционным правительством». Мы глубоко убеждены, что этот фантастический элемент в высшей степени вреден для самой партии «Народной Воли». Как партии социалистической, он вреден ей тем, что отвлекает ее от ее непосредственных задач в среде рабочего класса в России; как партии, взявшей на себя инициативу нашего освободительного движения, — он вреден ей тем, что всегда будет отталкивать от нее очень много средств к сил, которые могли бы, при других условиях, притекать к ней из среды так называемого общества. Объяснимся подробнее.

К кому обращается, к кому может и должна обращаться «Народная Воля» в своей борьбе с абсолютизмом? «Привлечение в организацию (Народной Воли) отдельных лиц из среды крестьянства, — способных к ней примкнуть. — читаем мы в «Календаре Народной Воли» *, — конечно, всегда признавалось очень желательным... Но что касается организации в настоящее время в массе крестьянства, то она признавалась в эпоху составления программы совершенной фантазией, и, если не ошибаемся, дальнейшая практика не могла изменить в этом отношении мнений наших социалистов».

* «Подготовительная работа партии», стр. 129 в примечании.

Быть может, партия «Народной Воли» рассчитывает опереться на более передовой слой нашего трудящегося населения, т. е. на городских рабочих? Она, действительно, придает весьма большое значение делу пропаганды и организации в их среде, она считает, что «городское рабочее население должно обратить на себя серьезное внимание партии». Но уже самая мотивировка необходимости этого дела показывает, что, по ее понятиям, городские рабочие должны быть лишь одним из элементов нашего революционного движения. Они «имеют особенно важное значение для революции как по своему положению, так и по относительно большей развитости, — поясняет нам тот же документ, — успех первого нападения всецело зависит от поведения рабочих и войска». Значит, предстоящая революция не будет рабочей революцией в полном смысле этого слова, но рабочие должны принять в ней участие, так как они «имеют для нее особенно важное значение». Какие же другие элементы войдут в это движение? Мы видели уже, что войдет, между прочим, «войско», а в войске «при настоящих условиях пропаганда между солдатами затруднена в такой степени, что на нее едва ли можно возлагать много надежд. Гораздо удобнее воздействие на офицерство: более развитое, более свободное, оно более доступно влиянию!». Это, конечно, совершенно справедливо, но не будем пока останавливаться на этом и пойдем далее. Кроме рабочих и «офицерства», партия Народной Воли имеет в виду также либералов и «Европу», по отношению к которой «политика партии должна стремиться к тому, чтобы обеспечить русской революции сочувствие народов, вызвать к этой революции симпатии европейского общественного мнения». Для достижения этой цели «партия должна знакомить Европу со всем пагубным значением русского абсолютизма для самой европейской цивилизации, с истинными целями партии, со значением нашего революционного движения, как выражения всенародного протеста». Что же касается «либералов», то в отношении к ним «следует, не скрывая своего радикализма, указывать на то, что, при современной постановке партийных задач, интересы наши и их заставляют совместно действовать против правительства».

Мы видим таким образом, что партия «Народной Воли» рассчитывает не на один только рабочий и крестьянский классы и даже не главным образом на эти классы. Она имеет в виду также и общество, и офицерство, которое, в сущности, есть «плоть от плоти и кость от костей» того же общества. Она хочет убедить либеральную часть этого общества, что «при современной постановке партийных задач» интересы русского либерализма сходятся с интересами русской социально-революционной партии. Что же она делает, чтобы вселить в русских либералах это убеждение? Она издает, во-первых, программу «Исполнительного Комитета», в которой говорится, что «народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным Собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей». В известном «Письме к Александру III» Исполнительный Комитет также требует «созыва представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями». Такая программа, действительно, совпадает с интересами русских либералов, и для ее осуществления они, пожалуй, примирились бы и со всеобщим избирательным правом, которого не может не требовать «Исполнительный Комитет». Во всем этом программа названного «Комитета» обнаруживает гораздо большую зрелость, чем все предшествовавшие ей программы. Но, не говоря уже о таком крупном промахе, как требование свободы сходок, слова, печати и избирательных программ лишь «в виде временной меры» *, припомним другие заявления партии «Народной Воли».

* См. «Письмо к Александру III», «Календарь Народной Воли», стр. 14.

Орган этой партии поспешил предупредить читающую публику, что большинство депутатов Учредительного Собрания будет состоять из сторонников радикального экономического переворота. Мы уже говорили выше, что эта уверенность была не более, как фикцией, придуманной для соглашения несогласных между собою элементов народолюбивой программы. Взглянем теперь на печатное выражение такой уверенности с точки зрения тактики. Спрашивается, разве экономический переворот входит в интересы русского либерализма? Разве наше либеральное общество сочувствует аграрной революции, которой, по словам «Народной Воли», будут добиваться крестьянские депутаты? Западно-европейская история говорит нам весьма убедительно, что там, где «красный призрак» принимал хоть сколько-нибудь грозные формы, «либералы» готовы были искать защиты в объятиях самой бесцеремонной военной диктатуры. Думал ли террористический орган, что наши русские либералы составят исключение из этого общего правила? Если так, то на чем основывал он свое убеждение? Думал ли он также, что современное «общественное мнение Европы» до такой степени проникнуто социалистическими идеями, что будет сочувствовать созыву социально-революционного Учредительного Собрания? Или он думал, что трепеща красного призрака у себя дома, европейская буржуазия будет аплодировать появлению его в России? Само собою разумеется, что ничего подобного он не думал и ничего подобного не забывал. Но зачем же, в таком случае, было делать это рискованное заявление? Или орган партии «Народной Воли» был до такой степени убежден в неминуемом осуществлении своего пророчества, что считал нужным побудить членов организации к принятию мер, соответствующих важности ожидаемого события? Но ввиду того, что в том же органе деятельность в народе объявлялась бесплодной, мы думаем, что заявление это имело, скорее, успокоительный, чем побудительный характер: социально-революционное большинство в Учредительном Собрании ожидалось, несмотря на то, что названная деятельность напоминает собою теперь «наполнение бездонных бочек Данаид».

Само по себе, заявление это могло бы считаться неважным, тем более, что «Народная Воля» сама, по-видимому, рассталась с преувеличенно-радужными надеждами на состав будущей русской конституанты. Мы думаем так потому, что передовая статья № 8—9 говорит об экономическом перевороте, который, в случае отсутствия социально-революционной инициативы в самом народе, должен быть совершен «временным революционным правительством» ранее созыва Учредительного Собрания. Автор статьи совершенно справедливо видит лишь в таком перевороте гарантию того, что «на созданный Земский Собор явятся истинные представители народа». Прежняя иллюзия «Народной Воли» рассеялась, таким образом, окончательно. Но, к сожалению, она исчезла лишь затем, чтобы уступить место новой, еще более вредной для дела самой партии «Народной Воли». Фантастический элемент программы не уничтожился, он принял только новый вид и называется теперь тем самым «захватом власти временным революционным правительством», который должен доставить партии возможность совершить упомянутый экономический переворот. Само собою понятно, что эта новая «постановка партийных задач» ни в коем случае не может внушить ни русским либералам, ни буржуазной Европе мысли о солидарности их интересов с интересами русского революционного движения. Как ни забито, как ни задавлено русское общество, но оно вовсе не лишено инстинкта самосохранения и ни в каком случае не пойдет добровольно навстречу «красному призраку»; указывать ему на такую «постановку» задач партии — значит лишать себя его поддержки и рассчитывать лишь на свои собственные силы.

Но настолько ли велики эти силы, чтобы не рискованно было отталкивать от себя такого союзника? Могут ли наши революционеры действительно захватить в свои руки власть и удержать ее хоть на короткое время, или все толки об этом представляют собою не что иное, как выкраивание шкуры зверя, не только еще не убитого, но, по обстоятельствам дела, и не подлежащего убиению? Вот вопрос, который становится в последнее время злобою дня революционной России...

Спешим оговориться. Предыдущие страницы должны были уже убедить читателя, что мы не принадлежим к числу принципиальных противников такого акта, как захват власти революционной партией. По нашему мнению, он представляет собою последний и притом совершенно неизбежный вывод из этой политической борьбы, которую, на известной ступени общественного развития, должен начать всякий класс, стремящийся к своему освобождению. Достигший политического господства, революционный класс только тогда и сохранит за собою это господство, только тогда и будет в сравнительной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти. *Den Teufel halte, wer ihn halt!* говорит Фауст.

Но диктатура класса, как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев. Это в особенности можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является, в настоящее время, не только разрушение политического господства непродуцированных классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни. Одно понимание этой задачи предполагает развитый рабочий класс, обладающий политическим опытом и воспитанием, освободившийся от буржуазных предрассудков и умеющий самостоятельно обсуждать свое положение. Решение же ее предполагает, кроме всего сказанного, еще и распространение социалистических идей в среде пролетариата, сознание им своей силы и уверенность в победе. Но такой пролетариат и не позволит захватить власть даже самым искренним благожелателям. Не позволит по той простой причине, что он проходил школу своего политического воспитания с твердым намерением окончить когда-нибудь эту школу и выступить самостоятельным деятелем на арену исторической жизни, а не переходить вечно от одного опекуна к другому; не позволит потому, что такая опека была бы излишней, так как он и сам мог бы тогда решить задачу социалистической революции; не позволит, наконец, потому, что такая опека была бы вредной, так как сознательного участия производителей в деле организации производства не заменит никакая конспираторская сноровка, никакая отвага и самоотвержение заговорщиков. Одна мысль о том, что социальный вопрос может быть на практике решен кем-либо, помимо самих рабочих, указывает на полное непонимание этого вопроса, без всякого отношения к тому, держится ли ее «железный канцлер» или революционная организация. Понявший условия своего освобождения и созревший для него пролетариат возьмет государственную власть в свои собственные руки, с тем, чтобы, покончивши с своими врагами, устроить общественную жизнь на началах не анархии, конечно, которая принесла бы ему новые бедствия, но пан-архии, которая дала бы возможность непосредственного участия в обсуждении и решении общественных дел всем взрослым членам общества. До тех же пор, пока рабочий класс не развился еще до решения своей великой исторической задачи, обязанность его сторонников заключается в ускорении процесса его развития, в устранении препятствий, мешающих росту его силы и сознания, а не в придумывании социальных экспериментов и вивисекций, исход которых всегда более чем сомнителен.

Так понимаем мы вопрос о захвате власти в социалистической революции. Применяя эту точку зрения к русской действительности, мы должны сознаться, что отнюдь не верим в близкую возможность социалистического правительства в России.

«Народная Воля» считает современное соотношение политических и экономических факторов на русской почве особенно «выгодным» для социалистов. Мы согласны, что оно более выгодно для них в России, чем в Индии, Персии или Египте, но его, конечно, невозможно и сравнивать с западноевропейскими общественными отношениями. И если «Народная Воля» пришла к своему убеждению, противопоставляя наши порядки не египетским или персидским, а французским или английским, то она впала в очень крупную ошибку.

Современное «соотношение общественных факторов на русской почве» обуславливает собою невежество и индифферентизм народной массы; когда же такие свойства были выгодны для дела ее освобождения? «Народная Воля» полагает, по-видимому, что индифферентизм этот начинает исчезать, так как в народе все более и более «пробуждается ненависть к привилегированным, правящим сословиям и настойчивое стремление к радикальному изменению экономических отношений». Но что же выходит из этого стремления? «Ненависть к привилегированным сословиям» еще

ровно ничего не доказывает: она не сопровождается часто ни одним лучом политического сознания. Притом же в настоящее время нам нужно строго различать сословное сознание от сознания классового, так как старые сословные подразделения не соответствуют более экономическим отношениям России и готовятся уступить свое место формальному равенству граждан в «правовом государстве».

Если «Народная Воля» взглянет на современное мирозерцание нашего крестьянства с точки зрения развития в нем классового и политического сознания, то она едва ли будет настаивать на выгоды соотношения наших общественных факторов для дела социального переворота. Ведь не может же она считать «выгодными» для этого дела хотя бы те толки, которые идут в среде крестьянства по поводу ее собственной борьбы с правительством. Как ни сильно сказывается в этих толках «ненависть к правящим классам», но ввиду того, что самое революционное движение приписывается крестьянами крепостническим проискам дворян и чиновников, «временное революционное правительство» будет находиться в большой опасности, когда народ начнет «отвоевывать экономическое равенство у своих вековых угнетателей и эксплуататоров». Тогда нынешнее соотношение интересующих нас факторов обнаружит, пожалуй, свойства, весьма невыгодные для временно восторжествовавших заговорщиков. Да и что значит «отвоевать экономическое равенство»?

Достаточно ли для этого экспроприировать крупных землевладельцев, капиталистов и предпринимателей? Не нужно ли для этого организовать, известным образом, и самое производство? А если да, то благоприятны ли ей современные экономические отношения России, иначе говоря, много ли шансов на ее успех обещает нам экономический фактор? Мы думаем, что нет, и думаем так по следующей причине.

Всякая организация предполагает известные, определяемые ее целью и характером, свойства организуемого. Социалистическая организация производства предполагает такой характер экономических отношений, который делал бы эту организацию логическим выводом из всего предыдущего развития страны, и, следовательно, отличался бы весьма значительной определенностью. Другими словами, социалистическая, как и всякая другая, организация требует соответствующей ей основы. Этой-то основы и нет в современной России.

Старые устои народной жизни слишком узки, разнородны и односторонни и, кроме того, слишком уже расшатаны, а новые — только еще вырабатываются. Объективные общественные условия производства не созрели еще для социалистической организации, а потому и в самих производителях нет еще ни стремления, ни способности к такой организации: наше крестьянство не может еще ни понять, ни решить этой задачи. Поэтому «временному правительству» придется не «санкционировать», а совершать «экономический переворот», если его не снесет волной народного движения, если только оно встретит достаточно повинения со стороны производителей.

Но декретами не создашь условий, чуждых самому характеру современных экономических отношений. «Временному правительству» придется мириться с тем, что есть, брать то, что даст ему современная русская действительность в качестве основы его реформаторской деятельности. И на этой-то узкой и шаткой основе здание социалистической организации будет строиться руками правительства, в которое войдут: во-первых, городские рабочие, пока еще мало подготовленные к такой трудной деятельности; во-вторых, представители нашей революционной молодежи, всегда остававшейся чуждой практической жизни, и, в-третьих, «офицерство», в экономических познаниях которых весьма позволительно усомниться. Мы не хотим делать весьма вероятного предположения относительно того, что, рядом со всеми этими элементами, во временное правительство проникнут и либералы, которые будут не сочувствовать, а мешать социально-революционной «постановке партийных задач».

Мы предлагаем читателю взвесить лишь выше перечисленные обстоятельства и затем спросить себя: много ли вероятности успеха имеет «экономический переворот», начавшийся при этих обстоятельствах? Точно ли выгодно для дела социалистической революции существующее ныне «соотношение политических и экономических факторов на русской почве»? И не принадлежит ли уверенность в выгоды этого соотношения к числу фикций, заимствованных из анархически-бунтарского мирозерцания и доведенных в программе новой, политической партии до совершенно уже невозможной крайности? А ведь этой фикцией определяются ближайшие «непосредственные задачи» партии, на ней основывается стремление к немедленному «захвату власти», стремление, пугающее наше общество и придающее односторонний характер всей деятельности наших революционеров!

Нам возразят, быть может, что «Народная Воля» и не думает приступать к социалистической организации общества тотчас же после захвата ею власти, что проектируемый ею «экономический переворот» имеет целью лишь воспитание народа для будущей социалистической революции. Посмотрим, возможно ли такое предположение, и если — да, то какие следуют из него выводы?

Передовая статья № 8—9 «Народной Воли» говорит об экономическом равенстве, которое будет «отвоевано» самим народом, а в случае недостатка в нем инициативы, создано временным правительством. Мы говорили уже, что это так называемое экономическое равенство возможно лишь при социалистической организации производства. Но допустим, что «Народная Воля» считает его возможным и при других условиях, что экономическое равенство будет, по ее мнению, достаточно обеспечено переходом земли и орудий производства в собственность трудящихся. Такое мнение было бы ничем другим, как возвратом к старым народническим идеалам «Земли и Воли» и, с экономической точки зрения, обнаруживало бы те же самые слабые стороны, которые свойственны были этим идеалам. Взаимные отношения отдельных общин друг к другу, превращение продуктов труда общинников в товары и связанное с ним капиталистическое накопление грозили бы сделать это «равенство» весьма неустойчивым! При самостоятельности мира, «как экономической и административной единицы», при «широком областном самоуправлении, обеспеченном выборностью всех должностей и принадлежности земли народу», — которых требует программа Исполнительного Комитета, центральное правительство не могло бы принять

никаких мер для упрочения этого равенства; если даже и предположить, что оно придумало бы такие меры, которые упразднили бы не только писанные законы Российской империи, но и законы самого товарного производства. Да оно и не захотело бы принимать таких мер, так как оно состояло бы из представителей того «освобожденного экономически и политически народа», идеалы которого, в лучшем случае, выражались бы словами «Земля и Воля» и не оставляли бы места для какой-либо организации национального производства (мы не говорим уже об интернациональном).

Предположим, что ввиду этой опасности «временное правительство» «Народной Воли» не передаст захваченной им власти народным представителям и превратится в постоянное. Тогда ему будет предстоять такая альтернатива: или оно должно будет оставаться равнодушным зрителем медленного разложения созданного им «экономического равенства», или оно вынуждено будет организовать национальное производство. Решить эту трудную задачу оно должно будет или в духе современного социализма, чему помешают как его собственная непрактичность, так и современная степень развития национального труда и привычки самих трудящихся, или же оно должно будет искать спасения в идеалах «патриархального и авторитарного коммунизма», внося в эти идеалы лишь то видоизменение, что, вместо перувианских «сынов солнца» и их чиновников, национальным производством будет заведовать социалистическая каста. Но русский народ и теперь уже слишком развит, чтобы можно было льстить себя надеждою на счастливый исход таких опытов над ним. Несомненно, кроме того, что при такой опеке народ не только не воспитался бы для социализма, но или окончательно утратил бы всякую способность к дальнейшему прогрессу, или сохранил бы эту способность, лишь благодаря возникновению того самого экономического неравенства, устранение которого было бы непосредственной целью революционного правительства. Мы не говорим уже о влиянии международных отношений и о невозможности перувианского коммунизма даже на востоке Европы XIX или XX столетия.

Впрочем, зачем так много говорить о результатах захвата власти нашими революционерами. Вероятен ли, возможен ли самый захват? По нашему мнению, очень, очень мало вероятен; так мало вероятен, что его можно считать совсем невозможным. Наш «мыслящий пролетариат» сделал уже очень много для освобождения своей родины. Он расшатал абсолютизм, пробудил политический интерес в обществе, занес семя социалистической пропаганды в среду нашего рабочего класса. Он составляет переход от высших классов общества к низшему, обладает образованием первых и демократическими инстинктами второго. Это положение облегчало ему разностороннюю работу агитации и пропаганды. Но то же самое положение дает ему очень мало надежды на успех заговора с целью захвата власти. Для такого заговора недостаточно талантов, энергии и образования: нужны связи, богатство и влиятельное общественное положение заговорщиков. Именно этого-то и недостает нашей революционной интеллигенции. Пополнить этот недостаток она может, лишь вступая в союз с другими недовольными элементами русского общества. Допустим, что ее планы встретят сочувствие со стороны этих элементов, допустим, что к заговору примкнут богатые землевладельцы, капиталисты, чиновники, штаб- и обер-офицеры. Успех заговора станет тогда вероятнее, хотя вероятность эта будет еще очень невелика: припомним только исход большей части известных в истории заговоров. Но главная опасность будет грозить социалистическому заговору не со стороны существующего правительства, а со стороны его собственных участников. Вошедшие в него влиятельные и высокопоставленные лица могут быть искренними социалистами лишь в виде «счастливой случайности». Относительно же большей части этих лиц не может быть никаких гарантий в том, что они не пожелают воспользоваться захваченною ими властью для целей, не имеющих ничего общего с интересами рабочего класса. А раз заговорщики отклонятся от социалистической цели заговора, его можно считать не только бесполезным, но даже вредным для социального развития страны; ведь нельзя же из ненависти к абсолютизму сочувствовать успехам «новейших Сэянов» — как выражается Степняк в своей известной книге, — которые захотели бы воспользоваться заговором в своих собственных интересах. Таким образом результаты заговора социалистической интеллигенции с целью захвата власти в ближайшем будущем станут тем более сомнительными, чем более сочувствия встретит он во влиятельных сферах, т. е. чем вероятнее будет его внешний успех; и наоборот, результаты такого заговора, поскольку речь идет о намерениях его участников, будут тем несомненнее, чем более его сфера ограничится нашей социалистической «интеллигенцией», т. е. чем невероятнее будет его счастливый исход. Все заставляет думать, что в настоящее время русскому социалистическому заговору грозила бы неудача скорее второго, чем первого рода.

Ввиду всего сказанного, мы думаем, что единственно нефантастическою целью русских социалистов может быть теперь только завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей рабочей социалистической партии России — с другой. Они должны выставить требование демократической конституции, которая, вместе с «правами человека», обеспечила бы рабочим «права гражданина» и дала бы им, путем всеобщего избирательного права, возможность активного участия в политической жизни страны. Не пугая никого далеким пока «красным призраком», такая политическая программа вызвала бы к нашей революционной партии сочувствие всех, не принадлежащих к систематическим противникам демократии; вместе с социалистами под ней могли бы подписаться очень многие представители нашего либерализма*.

* Примечание ко 2-му изданию. Сочувствие «общества» для нас очень важно, и мы можем, — точнее: у нас было много шансов, — приобрести его. ни на йоту не изменяя своей программе. Но, разумеется, для перехода этой возможности в действительность необходим такт, которым мы не всегда обладаем. Вот, например, мы иногда пускаемся ругать «капитал» как раз по тому поводу, — хотя, конечно, и не за то, — что он «бунтует». Маркс никогда не сделал бы такой грубой тактической ошибки. Он нашел бы, что она достойна Карла Грюна и других «истинных социалистов».

И между тем как захват власти той или другой тайной революционной организацией всегда останется лишь делом этой организации и лиц, посвященных в ее планы, агитация в пользу названной программы была бы делом всего русского общества, в котором она усиливала бы сознательное стремление к политическому освобождению. Тогда интересы либералов действительно «заставили» бы их «вместе с социалистами действовать против правительства», потому что либералы

перестали бы встречать в революционных изданиях уверения в том, что ниспровержение абсолютизма будет сигналом социальной революции в России. Вместе с тем, другая, менее пугливая и более трезвая, часть либерального общества перестала бы видеть в революционерах непрактичных юношей, задающихся несбыточными и фантастическими планами. Этот невыгодный для революционеров взгляд уступил бы место уважению общества не только к их героизму, но и к их политической зрелости. Постепенно это сочувствие перешло бы в активную поддержку или, что вероятнее, в самостоятельное общественное движение, и тогда пробил бы, наконец, час падения абсолютизма. Социалистическая партия играла бы в этом освободительном движении весьма почетную и выгодную роль. Ее славное прошлое, ее самоотвержение и энергия придали бы вес ее требованиям, и она имела бы, по крайней мере, шансы завоевать таким образом народу возможность политического развития и воспитания, а себе — право открытого обращения к нему со своею проповедью и открытой организацией его в особую партию.

Но этого мало. Вернее, это недостижимо без одновременной деятельности другого рода и в другой сфере. Без силы нет и права. Всякая конституция — по прекрасному выражению Лассалья — соответствует или стремится придти в соответствие с «реальными, фактическими отношениями силы, существующими в стране». Поэтому наша социалистическая интеллигенция должна позаботиться о том, чтобы еще в доконституционный период изменить эти фактические отношения русских общественных сил в пользу рабочего класса. В противном случае, падение абсолютизма далеко не оправдает надежд, возлагаемых на него русскими социалистами или даже демократами. Требования народа и в конституционной России могут быть оставлены совсем без внимания или удовлетворены лишь настолько, насколько это необходимо для усиления его податной способности, ныне почти совершенно истощенной хищническим характером государственного хозяйства. Сама социалистическая партия, завоевавши либеральной буржуазии свободу слова и действия, может очутиться «в исключительном» положении*, подобном положению современной немецкой социал-демократии. В политике на благодарность вчерашних союзников и нынешних врагов может рассчитывать лишь тот, кому невозможно рассчитывать на что-либо более серьезное.

* Имеется в виду "Исключительный закон против социалистов", принятый в Германии. Прим. редакции сайта.

К счастью, русские социалисты могут строить свои надежды на более прочном основании. Они могут и должны надеяться прежде всего на рабочий класс. Сила рабочего, как и всякого другого класса, зависит, между прочим, от ясности его политического сознания, от его сплоченности и организованности. Именно эти элементы его силы и подлежат воздействию нашей социалистической интеллигенции. Она должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении, выяснить ему его политические и экономические интересы, равно как и взаимную связь этих интересов, должна подготовить его к самостоятельной роли в общественной жизни России. Она должна всеми силами стремиться к тому, чтобы, в первый же период конституционной жизни России, наш рабочий класс мог выступить в качестве особой партии с определенной социально-политической программой. Подробная выработка этой программы, конечно, должна быть предоставлена самим рабочим, но интеллигенция должна выяснить им главнейшие ее пункты, как, например, радикальный пересмотр современных аграрных отношений, податной системы и фабричного законодательства, государственная помощь производительным ассоциациям и т. п.

Все это может быть достигнуто лишь путем усиленной работы в среде, по крайней мере, наиболее передовых слоев нашего рабочего класса, путем устной и печатной пропаганды и организации рабочих социалистических кружков. Эти задачи всегда занимали, правда, более или менее видное место в программах наших социалистов, а «Календарь Народной Воли» может убедить нас в том, что они не были забыты даже в пылу самой ожесточенной борьбы с правительством (смотри «Подготовительную работу партии», рубрику — В, Городские рабочие). Но мы предлагаем всякому, знакомому с нашим революционным движением, припомнить и сравнить, сколько сил и средств поглотила разрушительная работа и сколько пошло их на подготовление элементов для будущей рабочей социалистической партии. Не вина никого, мы думаем, однако, что распределение революционных сил было слишком односторонне. А между тем мы напрасно стали бы объяснять это свойством самих революционных сил или той рабочей среды, на которую им нужно было воздействовать, согласно их собственной программе.

Появление и успех таких изданий, как «Зерно» и «Рабочая Газета», показывают, что наши революционеры не утратили склонности к пропаганде, а наши рабочие не остались к ней равнодушны. Названные издания не избежали, конечно, ошибок, иногда весьма существенных, но не ошибается только тот, кто ничего не делает.

Главная беда в том, что в издании этих листков не видно той энергии, с какой ведется литературная пропаганда в «интеллигентных» слоях общества, что арестованная типография не заменяется новой, что за невозможностью вести дело издания в России оно не переносится за границу и т. д. Из всех заграничных журналов, а их было у нас немало, только «Работник» имел в виду читателей из народа, и в этом величайшая заслуга его издателей. Но «Работник» давно уже прекратился, а мы ничего не слыхали о новых попытках в этом роде, хотя бы и с другою программю, более подходящей к изменившимся взглядам русских социалистов. А что издано у нас для рабочих в России, кроме «Зерна» и «Рабочей Газеты»? Ровно ничего. Ни одной книжки, ни одной брошюры! *

* Примечание ко 2-му изд. Отсюда видно, что идея популярного органа совсем не новость в нашей литературе. Но это обстоятельство, разумеется, не помешало ей казаться опасным новшеством многим товарищам не далее, как накануне нашего второго съезда, когда я являлся между «искровцами» едва ли не единственным ее сторонником. Теперь эта идея получила уже практическое, — более или менее удачное, — осуществление. Лучше поздно, чем никогда. Но если бы вы слышали, читатель, какие изумительные выводы приводились против этой идеи в только что указанное, еще недалекое от нас, время, вы воскликнули бы, как Фауст: *Wie weh, wie weh, wie weh!*

И это в то время, когда революционное движение обратило на себя всеобщее внимание, и народ, с жадностью ловя все слухи и толки, в недоумении спрашивал себя: чего хотят эти люди? Можно ли после этого удивляться тем нелепыми ответам на этот вопрос, которыми он довольствуется иногда, за неимением лучших. Повторяем, мы не виним никого, но всем советуем обратить внимание на эту сторону дела, чтобы вовремя наверстать упущенное *.

* «В истекшем году — читаем мы в Прибавлении к «Листку Н. В.» № 1 (1883 г ., стр. 61) — был целый ряд стачек, которые, благодаря отсутствию организации рабочих, кончались большею частью неудачей».

Таким образом борьба за политическую свободу, с одной стороны, и подготовка рабочего класса к его будущей самостоятельной и наступательной роли — с другой, такова, по нашему мнению, «постановка партийных задач», единственно возможная в настоящее время. Связывать в одно два таких существенно различных дела, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития совпадут в истории нашего отечества — значит отдалить наступление и того, и другого. Но от вас зависит сблизить эти два момента. Мы должны последовать прекрасному примеру немецких коммунистов, которые шли, по словам Манифеста, «рядом с буржуазией, поскольку она являлась революционной в борьбе своей против абсолютной монархии», и, в то же время, ни на минуту не переставали вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата». Поступая таким образом, коммунисты хотели, чтобы «немецкая буржуазная революция послужила лишь непосредственным прологом революции рабочей».

Современное положение буржуазных обществ и влияние международных отношений на социальное развитие каждой цивилизованной страны дают право надеяться, что социальное освобождение русского рабочего класса последует очень скоро за падением абсолютизма. Если немецкая буржуазия «пришла слишком поздно», то русская запоздала еще более, и господство ее не может быть продолжительным. Нужно только, чтобы русские революционеры, в свою очередь, не «слишком поздно» начали дело подготовки рабочего класса, дело, теперь уже ставшее вполне современным и насущным.

Во избежание недоразумений оговоримся. Мы не держимся того взгляда — скорее, как мы видели, навязанного школе Маркса, чем существовавшего в действительности, — взгляда, по которому социалистическое движение не может будто бы встретить поддержки в нашей крестьянской среде до тех пор, пока крестьянин не превратится в безземельного пролетария, а сельская община не разложится под влиянием капитализма. Мы думаем, что — в общем — русское крестьянство отнеслось бы с большой симпатией ко всякой мере, имеющей в виду так называемую «национализацию земли». При возможности сколько-нибудь свободной агитации в его среде * оно отнеслось бы с сочувствием и к социалистам, которые не замедлили бы, разумеется, внести требование такого рода мер в свою программу.

* Примечание ко 2-му изданию. Т. е. при конституции.

Но мы не преувеличиваем сил наших социалистов и не игнорируем тех препятствий, того сопротивления среды, с которыми им неизбежно придется считаться в своей деятельности. Поэтому, и только поэтому, мы думаем, что им следует, на первое время, сосредоточить главное свое внимание на промышленных центрах. Современное сельское население, живущее при отсталых социальных условиях, не только менее промышленных рабочих способно к сознательной политической инициативе, но и менее их восприимчиво к движению, начатому нашей революционной интеллигенцией. Ему труднее усвоить социалистические учения, потому что условия его жизни слишком непохожи на условия, породившие эти учения. К тому же, крестьянство переживает теперь тяжелый, критический период. Прежние «старо-дедовские устои» его хозяйства рушатся, «сама несчастная община дискредитируется в его глазах», по признанию даже таких «стародедовски» народнических органов, как «Неделя» (см. 39 №, статью г. N. Z. «В родных местах»); новые же формы труда и жизни еще только складываются, и этот созидательный процесс обнаруживает наибольшую интенсивность именно в промышленных центрах.

Как вода, размывая и разрушая одну часть почвы, образует в других местах новые осадки и отложения, так процесс русского социального развития образует новые общественные формации, разрушая вековые формы отношения крестьян к земле и друг к другу. Эти новые общественные формации носят в себе зародыши нового общественного движения, которое одно только и может положить конец эксплуатации трудящегося населения России. Промышленные рабочие, обладающие большим развитием, более высокими потребностями и более широким кругозором, чем крестьянство, примкнув к нашей революционной интеллигенции в ее борьбе с абсолютизмом и затем, добившись политической свободы, организуются в рабочую социалистическую партию, которая и должна будет начать систематическую пропаганду социализма в среде крестьянства. Говорим о систематической пропаганде потому, что отдельные случаи пропаганды и агитации в крестьянстве, конечно, не должны быть упускаемы и в настоящее время.

Едва ли нужно прибавлять, что наши социалисты должны были бы изменить распределение своих сил в народе, если бы в среде крестьянства обнаружилось сильное самостоятельное движение. Такова «программа», которая самою жизнью подсказывается русской революционной социалистической партии. Сумеет ли она выполнить эту программу? Захочет ли она покинуть фантастические планы и замыслы, которые, надо сознаться, очень много говорят чувству и воображению? Пока еще трудно отвечать на это с уверенностью. «Объявление об издании «Вестника Народной Воли» говорит о политических задачах революционной партии лишь в самых общих выражениях. Редакция «Вестника» называет эти цели «совершенно определенными» и не считает, по-видимому, нужным снова определять их в своем объявлении. Можно опасаться поэтому, что она не сочтет также нужным спросить себя, соответствуют ли «совершенно определенные условия» современной русской действительности «совершенно определенным целям» партии Народной Воли? В таком случае, новый орган оставит неудовлетворенной самую насущную потребность нашей революционной литературы, потребность в критическом просмотре устаревших программ и традиционных способов действия. Но мы надеемся, что будущее рассеет наши опасения.

Нам хочется думать, что новый орган трезво взглянет на те задачи нашей революционной партии, от решения которых зависит ее будущее. Общественная жизнь отнесется к ее современным иллюзиям с тою же беспощадностью, с какой отнеслась она к иллюзиям наших «бунтарей» и пропагандистов. Лучше теперь же последовать ее указаниям, чем оплачивать, впоследствии, ее суровые уроки новыми расколами и новыми разочарованиями.

Георгий Валентинович Плеханов

Издано брошюрой в 1883 году